

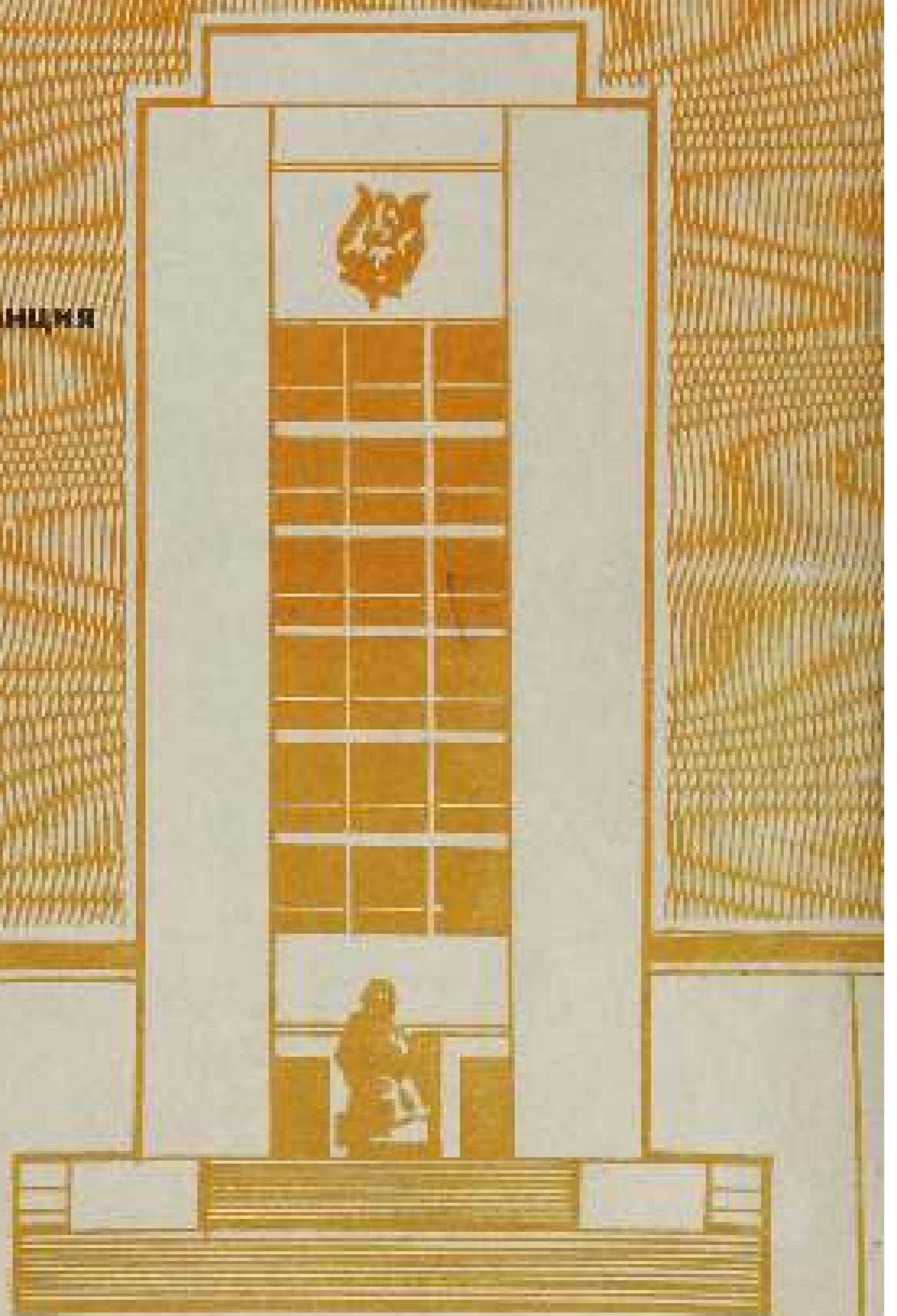
ISSN 0236—2910

ВЕСТНИК МОРАОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

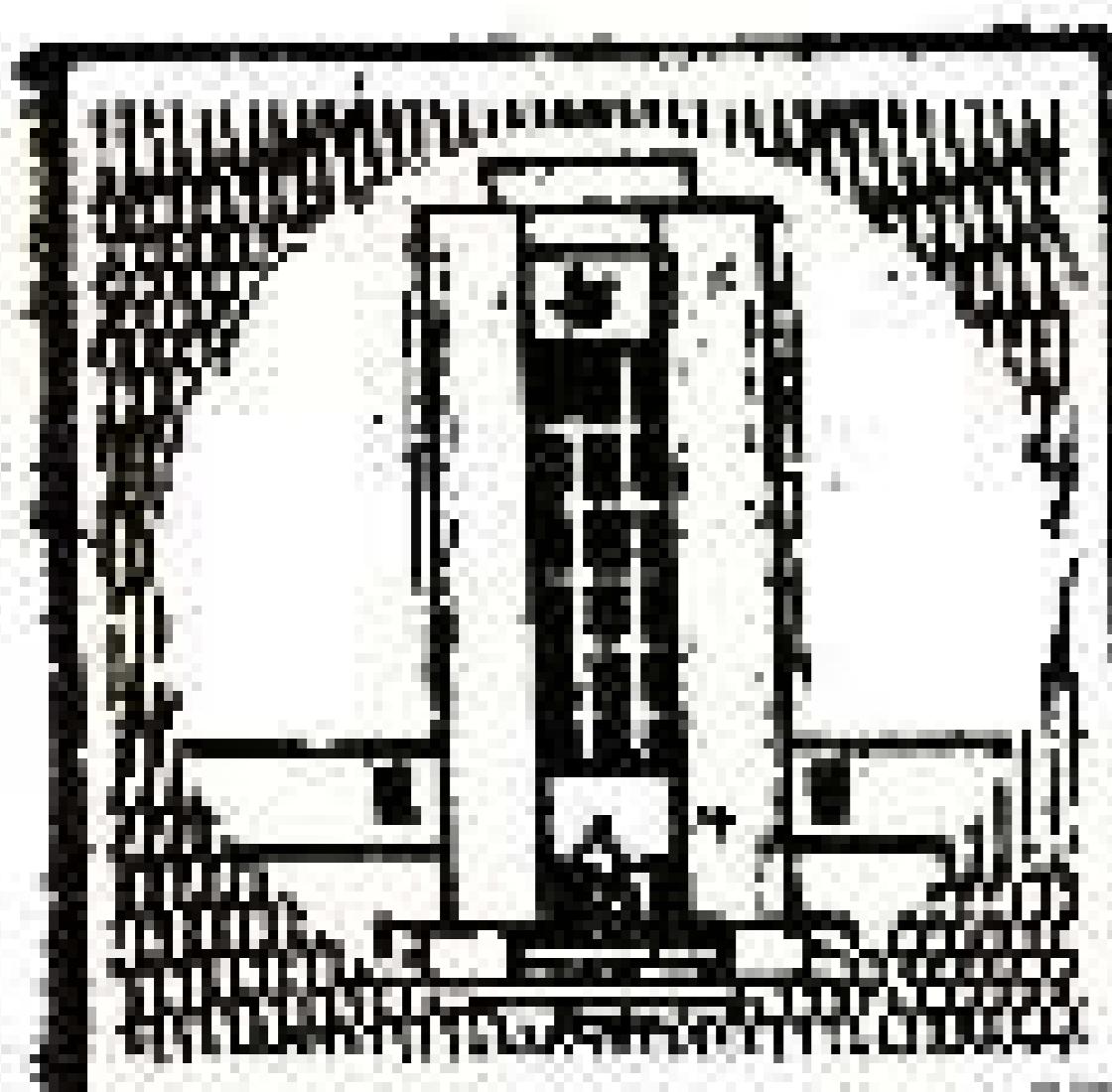
НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

В НОМЕРЕ:

- традиции педагогического образования
- наука и практика
- энциклопедия в журнале
- «Родной язык — моя Родина»: конференция в Финляндии
- Хроника. Рецензии. Обзоры

4
1991

ВІСНИК МОРОВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ Основан в январе 1990 г.

Мордовский университет

Основан в январе 1990 г.

Выходит один раз в квартал

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	3
Агафонова Л. В., Бреев С. И. Приобщение к культуре	3
Воробьев Ю. К. Ступить и молвить (о истории классического образования в России)	5
Савинка Г. П. Подросток и нравственные нормы	7
НАУКА И ПРАКТИКА	
История	
Балашов В. А., Юрченков В. А. Региональная история: проблемы и новые подходы	10
Философия	
Фролов Д. Е. Ценностно-оценочная концепция социальной активности личности	15
Кемкин В. И., Гнатюк В. С. Процесс развития и его отражение в теоретическом знании	19
Филология	
Бижкинин И. Д. Тюрокмы в английском языке	21
Шигуров В. В. К проблеме категориальной интерпретации вида и относительного времени дескриптивной	24
Архитектура и строительство	
Завидин В. Ф. Традиции и новации в современном сельском жилище МССР	28
Брефереев В. Т., Фельдман М. С., Шаров В. Г. Биостойкость и биодеградация строительных материалов	31
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ МОРДОВИИ	
Словарные статьи Р. П. Васильевой, С. Г. Девяткина, В. П. Киржаевой, В. И. Лаптуна, Е. Г. Осозского, В. А. Юрченкова.	34
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО	
«Родной язык — моя Родина». Саранск — Хельсинки — Эспоо — Саранск	47
Яакко Нуммионен: «Мы за сотрудничество...» (беседа с директором канцелярии министерства образования Финляндии)	48
Лялпүкка С. Настоящее и будущее волго-пермских языков: взгляд со стороны	50
Надькин Д. Т. «Когда разрушены основания, что сделает преемник?» (выступление на писатской конференции уральских народов «Родной язык — моя Родина», Финляндия, Эспоо, 1991 г.)	53
Нагушкина О. М. Экстерский университет глазами очевидца	56
ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ	
Кукинин В. Н. Заложивший основы вузовского образования (к 60-летию МГПИ)	59
Осавский О. Е. Новые английские исследования научного наследия М. М. Бахтина (рецензия)	62
Липатов С. И. Всепеченье эда фясь. Мокшэрзянь кяленъ наукать ушедъенза	65

Главный редактор Н. П. Макаркин

Редакционная коллегия:

Атласов Н. И., Бусарова Р. Н. (ответственный секретарь), Ванюков Ю. А., Воскресенский Е. В., Доленко Д. В., Иллеев В. И., Конорев В. А. (заместитель главного редактора), Лапшин С. А., Махушкин В. М., Малый А. Ф., Мишанин Ю. А. (заместитель главного редактора), Мокшин Н. Ф., Несторов С. А., Ревин В. В., Савкин Н. С., Селясов В. П. (заместитель главного редактора), Сухарев А. И., Шинкин П. В., Цыганкин Д. В.

Адрес редакции: 430000, Саранск, ул. Большевистская, 68

Главный редактор Р. Н. Бусарова

Корректор С. В. Чудова

**Сдано в набор 02.09.91. Подписано в печать 20.11.91. Формат 70x100 1/16.
Бум. офсетная. Печать высокая. Усл. п. л. 5,48. Уч.-изд. л. 5,00. Усл. кр.-отт 5,80.
Тираж 1 000 экз. Заказ № 839. Цена 1 р. 25 к.**

**Мордовский ордена Дружбы народов государственный университет
имени Н. П. Островского, 430000, Саранск, ул. Большевистская, 68.**

**Типография Издательства Мордовского университета,
430000, Саранск, ул. Советская, 24.**

**© Мордовский государственный
университет, 1991**

КЛАССИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ПРИОБЩЕНИЕ К КУЛЬТУРЕ

Л. В. АГАПОВА, С. И. БРЕЕВ —
кандидаты педагогических наук

Формирование педагогической культуры у будущего учителя в университете в основном осуществляется через изучение общего курса педагогики. Его внимание концентрируется всецело на тех подходах к воспитанию, которые определились в условиях господства тоталитарного политического режима, полного единомыслия, авторитаризма. Хотя сама педагогическая наука именовалась марксистско-ленинской, на деле же она представляла собой своеобразный конгломерат различного рода измышлений, преподносившийся как высший этап развития мировой педагогической мысли, например принцип партийности педагогики. По сравнению с ней всякая иная педагогическая мысль трактовалась как пройденный этап, как пережиток прошлого, как выражение реакционной политики «заправил буржуазного мира».

Односторонняя ориентация на мифический по своим результатам опыт советской школы обусловил ущербность самой теории. Явная недэсценка зарубежного современного педагогического опыта и предшествующего опыта всего человечества крайне затрудняли формирование подлинно педагогического мышления, лишали будущего педагога необходимого ориентира в очень сложном деле, каким является обучение и воспитание, порождали предпосылки для всякого рода прожекторства, для самого настоящего бескультурья.

Без преувеличения можно утверждать, что очень серьезной ошибкой явилось исключение из учебного пла-

на такого предмета, как история педагогики. Одним из последствий этого следует признать отход от вековых традиций, мирового стандарта университетского образования, предполагающего всесторонность, фундаментальность, высокий интеллектуализм. Здесь уместно напомнить об отечественном прародителе современных университетов — Московском государственном университете, его огромной просветительской деятельности. Благодаря созданию при университете типографии Россия познакомилась с передовой зарубежной педагогической мыслью, включая произведения великого чешского педагога Я. А. Коменского, многих просветителей Запада.

Замена курса истории педагогики различного рода идеологизированными спецкурсами не могла принести добрых плодов, ни в коей мере не способствовала решению главной задачи — воспитанию педагога-гуманиста, педагога-новатора. Сам факт сужения теоретической базы для формирования педагогического мышления не вызвал особой тревоги у большинства педагогов. Пряда, в последнее время все чаще раздаются голоса в защиту курса истории педагогики. Однако они наталкиваются на непонятную глухоту: Положение может быть исправлено на местах. Для этого уже созданы необходимые предпосылки с представлением университетам права вносить по своему усмотрению дополнения в типовой учебный план.

В Мордовском государственном университете историко-педагогическому образованию уделяется серьезное

внимание. Здесь сложилась своя традиция. Сотрудники кафедры педагогики проявляют огромный интерес к педагогическому наследию всех времен и народов. Ознакомительная историко-педагогическая тема, в которой обозначаются лишь главные вехи, развернута в самостоятельный раздел программы по педагогике. На него отводится не менее 18 часов. Он предполагается курсу педагогики, служит введением в него. У студентов наблюдается исключительно высокий интерес к историко-педагогическому материалу, желание познать и осмыслить наследие прошлого, сопоставить его с настоящим, убедиться в том, что лишь общечеловеческие ценности, заложенные в трудах педагогов-гуманистов, могут быть лоддиной основой теории воспитания.

С этой точки зрения заслуживает особого внимания наследие великого чешского педагога Я. А. Коменского, 400 лет со дня рождения которого вся прогрессивная мировая общественность отмечает в 1992 году. Следует признать, что в лице этого мыслителя мы имеем основоположника педагогики как самостоятельной отрасли знаний. Гений этого человека проявился в том, что он сумел впитать в себя весь опыт человечества, переосмыслить его с позиций гуманизма и заложить основы гуманистической педагогики.

Курс на возрождение гуманистических традиций университетов предполагает более действенные меры по приобщению студентов к истокам мировой общечеловеческой культуры, неотъемлемой частью которой является и история педагогики — составной элемент современного международного стандарта педагогического образования. Странно то, что в Мордовском университете предполагается введение спецкурса по истории педагогики на всех факультетах. Он может читаться как после изучения курса педагогики, так и до него.

Спецкурс по истории педагогики по своему содержанию не мыслится как своеобразный слепок с основного курса, с учебника по истории педагогики,

крайне идеологизированного, страдающего гипертрофией классового подхода. В спецкурсе предусматривается дать объективное, а значит, подлинно научное отражение процесса развития воспитания и педагогической мысли. Лишь в этом случае он может вписаться в процесс департизации общественной жизни, снятия излишней заидеологизированности культуры и образования. Приоритетность воспитания в его социальном аспекте — главный принцип определения содержания спецкурса, возрождение консолидирующей функции культуры, воспитания — важнейшее требование к спецкурсу. Важная его задача — выявить гуманистическую направленность усилий всех тех представителей мировой культуры, кто серьезно занимался этим очень сложным делом совершенствования нравов людей.

В основу построения спецкурса положен хронологический принцип, предусматривающий учет хода истории, ее этапов, однако его содержание формируется по проблемно-тематическому принципу, обеспечивающему выявление ведущих педагогических идей, раскрытие их развития и преемственности этого процесса.

Истоки воспитания исходят из очень далекого прошлого. В недрах глубокой древности не только формировались опыт, но и зарождались педагогические идеи, определившие в последующем процесс становления теории и практики. Программой спецкурса предусматривается прослеживание исторического пути развития педагогики на всех этапах социальной, культурно-исторической жизни человечества, начиная с древнейших времен до настоящего времени. В него вошла педагогика дреаного мира, включая страны Дальнего и Ближнего Востока, эпохи средневековья, нового времени с кануном буржуазных революций, педагогика дореволюционной России, советского периода, элементы сравнительной и национальной педагогики.

С позиции просветительного принципа в программе дается оценка советской педагогики, в связи с чем пере-

сматриваются прежние педагогические стереотипы, на первый план выносится анализ педагогических процессов, их специфики, сущности педагогических теорий, сложности и противоречивости развития советской школы и педагогики. Своебразие социально-педагогических процессов советского периода — весьма серьезная проблема для исследователя, для педагогической науки в целом. Весьма показательным в этом плане является изучение наследия А. С. Макаренко.

Усвоение спецкурса, построенного на новой методологии, предполагает использование нестандартных форм и методов работы над его содержанием. Основным методом следует признать тщательное изучение педагогических первоисточников, включая труды Маркса и Ленина, а не их комментарий. Нынешняя историко-педагогическая литература может быть использована лишь при критическом ее осмыс-

лении. В этих условиях значительно возрастает роль обзорных, установочных лекций, в ходе которых и должна быть раскрыта суть просветительской методологии. Доминирующими предлагаются диалоговые формы и методы, диспуты, групповые и индивидуальные беседы. В связи со сравнительно большим объемом спецкурса помимо аудиторных занятий необходимы самостоятельная работа, написание рефератов по отдельным проблемам.

Разработанная программа носит ориентировочный характер. В ней лишь обозначен круг вопросов, представляющих несомненный интерес. Она может корректироваться с учетом профиля факультета, изучение спецкурса должно проводиться на разных уровнях в зависимости от количества отводимого на него времени. Полный курс рассчитан на 46 учебных часов: 32 — лекционных, 14 — семинарские занятия.

СТУПИТЬ И МОЛВИТЬ

[ИЗ ИСТОРИИ КЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ]

Ю. К. ВОРОБЬЕВ, кандидат филологических наук

В последние годы педагогическая наука со все возрастающим интересом обращается к истории классического образования. И это правильно. Многие традиции русской педагогической теории и практики мы можем и должны возродить, разумеется, с учетом новых общественных потребностей. Откликаясь на обращение редакции «Вестника Мордовского университета», считаю необходимым предельно кратко осветить один из аспектов гуманистического образования в России XVIII века — обучение светскому этикету и составной его части — речевой (риторической) подготовке учащихся.

Актуальность обращения к нашему историческому опыту не вызывает

сомнений, особенно если попытаться ответить, например, на вопрос, в состоянии ли большинство выпускников средней школы элементарно владеть словом в разных жизненных обстоятельствах. Хорошо, если юноша в 17 лет уверен в себе, умеет держаться и говорить в любой жизненной ситуации. А если нет? Если он закомплексован и косноязычен настолько, что в разговоре не может связать, как говорится, и двух слов? Если он робок и неуклюж в движениях? Нередки случаи, когда студенты с трудом подбирают нужное слово, мучительно пытаются сформулировать простую мысль, не говоря уже об умении передать с помощью речи собственное душевное

состояние. Удручают косноязычие именно на родном языке, которым, казалось бы, все мы должны владеть свободно.

В качестве материала для исследования мы использовали педагогические трактаты, уставы и инструкции («Антология педагогической мысли России XVIII века. М., 1985»). Итак, что же вкладывала русская педагогика в понятия «ступить» и «молвить»? Общая культура поведения, внедряемая, разумеется, прежде всего в дворянской среде, включала в себя умение двигаться, держаться, менять в зависимости от ситуации стилистические «регистры» речевого этикета. Школы и гувернеры закладывали всестороннее этически и эстетически нормированное воспитание. Правильной позе, жесту, речи учили одновременно. Для кавалера, например, ценилось совокупное умение танцевать, фехтовать, ездить верхом и «добрый разговор учинить». Николай Иванович Новиков по поводу танцев писал: «Танцевание есть, бесспорно, одно из прекраснейших, благороднейших и самых лучших телесных упражнений для обоего пола. Оно соединено с движением почти всех частей тела» («Антология», с. 312).

Из устава воспитания благородных девиц узнаем, что в возрасте от 15 до 18 лет они должны изучать «все правила доброго воспитания, благонравия, светского обхождения и учтивости» («Антология», с. 163). Далее читаем: «Все сии изящные качества надлежит соглашать с пристойною и благородною скромностью в поведении, в осанках приятных, в разговорах вежливых и разумных» (разрядка наша. — Ю. В.) («Антология», с. 170).

Антон Антонович Прокопович-Антонский настаивал на обучении практическому владению русским языком: «Уметь говорить и писать на нем красиво, сильно и выразительно, по приличию материи, времени и места — все это составляет труд ёдва одолимый» («Антология», с. 353). Те же мыслиходим у Н. И. Новикова: «Хотя половина учащихся не будет никогда говорить формальных речей, однако вся-

кий из них почти ежедневно должен бывает сообщать мысли свои другим либо через письмо, либо изустным рассказыванием» («Антология», с. 342).

В уставе для народных училищ Федор Иванович Янкович де Мириево так оценивал роль учителя: «Учителям препоручается... подавать воспитанникам своим наставления в благонравии и вежливости, ходить, кланяться, просить учтиво и говорить ласково, даже со служами и служанками» («Антология», с. 241).

У Николая Гавриловича Курганова находим следующие требования к «женскому пригожеству»: «тихое дыхание, приятный голос и добрый прием... благородная и скромная походка» («Письмовник», 1809, с. 284).

Приведенные цитаты — лишь малая доля из тех высказываний, в которых предъявлялись требования к речевому и пластическому искусству личности в рассматриваемый нами период. О необходимости широкой риторической подготовки учащихся говорили Ф. Прокопович, Ф. С. Салтыков, И. Т. Порошка, В. Н. Татищев, И. Ф. Богданович. Риторика преподавалась в школах как учебный предмет. Вместе с теорией и историей риторики ученики изучали и речевые нормы повседневного поведения. Риторика не обходила стороной и такую деликатную сферу человеческих отношений, как выражение чувств. В XVIII веке в России учили писать любовные письма. Устный речевой этикет обязывал говорящего уметь выразить словами высокие чувства.

Большое значение придавалось искусству жеста. Его строгость и мягкость, эстетически совершенный императив, индивидуальная красота составляли необходимую часть общего риторического воспитания. Жест, осанка, мимика, речь в их нерасторжимом единстве являли собой внешнее выражение образованности. Позднее эти традиции воспитания и обучения в силу известных причин были прерваны.

Умение «ступить» и «молвить» и сейчас является важным критерием в оценке формирования личности. Ис-

кусству движения в нерасторжимом единстве с искусством слова учат театр и кино. А учит ли этому современная школа? Речь ученики изучают преимущественно на материале художественной литературы. Однако кроме умения всесторонне анализировать тексты изящной словесности учащийся должен уметь владеть речью в разных жизненных обстоятельствах: занять беседой гостей, прибодрить отчаявшегося, поставить на место зарвавшегося, выступить перед аудиторией, составить частное или деловое письмо и многое другое. Все эти виды речи относятся в филологии к прозаическим. Может ли во всех подобных случаях в качестве речевого образца выступать только беллетристика? Знания одной только художественной литературы для выполнения этих функций недостаточно. Изучение художественной литературы воспитывает в основном эстетический тип мышления. Умение использовать язык в практических целях воспитывает прагматический тип мышления, более важный в том смысле, что наша обыденная прозаическая речь направлена на решение реальных, ежедневно возникающих проблем. Потребность в практической нормативной риторике огромна. Она нужна производственнику, политику, деловому человеку, обычайцу.

Современная теоретическая и практическая риторика должна иметь мощ-

ное историческое обоснование. Только в этом случае будет по-настоящему осознан современный уровень требований к риторической подготовке учащихся. Слово и жест в единстве рационального, эстетического, эмоционального и логического начала — необходимые условия жизненного успеха. Владение ими вскрывает дополнительные резервы человеческой личности, дает новый импульс общественному развитию.

Итак, риторика вместе с хореографией, танцами и другими дисциплинами, развивающими интеллектуальный и пластический потенциал личности, должны, на наш взгляд, вернуться в новом качестве в состав школьных дисциплин. Важно переработать и заимствовать самое ценное из богатейшего педагогического наследия наших соотечественников, не забывая и современный мировой опыт. Предстоит глубокое осмысление и постепенное введение в школьные программы прежде всего практических курсов, направленных на развитие умения защитить идею, написать деловое письмо, опровергнуть выдвинутые оппонентом доводы, произнести спич, поухаживать за девушкой (на танцах, в театре), написать объявление и т. д. Подобные умения и навыки помогут вступающему в жизнь человеку чувствовать себя уверенно в разных сферах интеллектуальной деятельности.

ПОДРОСТОК И НРАВСТВЕННЫЕ НОРМЫ

Г. П. САВКИНА, аспирант

Подросток входит в жизнь общества, где он должен без труда различать добро и зло, справедливость и несправедливость, честность и ложь, знакомится с существующими нравствен-

ными нормами, типичными ситуациями их исполнения, учится подчинять свое поведение определенной дисциплине. Общество заинтересовано в том, чтобы усваивались не любые нравствен-

ные нормы, а лишь общественно ценные, полезные. В подростковом возрасте начинается и в основном заканчивается процесс формирования жизненной позиции. От наличия спределенных факторов зависит, насколько он может затянуться, а в ряде случаев он не наступает совсем, что можно наблюдать на примере лиц с ярко выраженным антиобщественным поведением.

Можно выделить ряд условий протекания процесса усвоения подростками нравственных норм:

1) достижение уровня духовного развития, необходимого для сознательного усвоения норм;

2) расширение и усложнение сферы общения, выход за рамки школы и семьи;

3) ломка типа отношений со взрослыми, основанных на власти и неравенстве, переход к новому типу отношений;

4) выход на первый план системы общения со сверстниками, оттеснение на второй общения со взрослыми;

5) возникновение качественно новой формы жизнедеятельности — формирование малых групповых образований.

Нами было проведено исследование отношения подростков к нравственным нормам, цель которого — изучить, оценки школьниками основных нравственных проявлений, характеризующих общественную направленность личности. Объектами нашего исследования были учащиеся 5—7-х классов школы № 10 г. Саранска, Инсарской 8-летней школы, Латышовской средней школы Инсарского района — всего 168 человек. Были использованы и модернизированы методики З. И. Васильевой, Л. И. Фридман.

Приступая к исследованию, мы предполагали, что подростки хорошо ориентируются в нравственных нормах, принятых в обществе, функционирующих в непосредственном общении и деятельности, владеют оценочными суждениями обобщенного характера. Мы полагали также, что сложившиеся нравственные оценки являются крите-

рием для понимания нравственного смысла непосредственного опыта деятельности и отношений. Однако трудно представить, какие нравственные нормы наиболее актуальны для подростков сегодня, в какой мере это обусловлено сложившимся опытом нравственных отношений и уровнем собственной воспитанности, что более всего ценится в опыте коллективных дел, чем определяются нравственная самооценка и перспективы самосовершенствования личности подростка, его ценностные ориентации.

Цель методики Л. И. Фридман «Выбор» — выявление отношения школьников к нравственным нормам и соответствующим нравственным качествам (ответственности, коллективистской направленности, самокритичности, совместливости, принципиальности, чуткости, справедливости). Учащиеся должны были выбрать ответ, который характеризовал бы поступок, взятый из повседневной школьной жизни. В результате получены следующие данные.

Среди пятиклассников 55 % учащихся сельских школ имеют активное, устойчиво положительное отношение к соответствующим нравственным нормам, у городских — 47,5 % и более чем в 3 раза выше процент активного, но неустойчивого и даже отрицательного отношения.

Среди шестиклассников процент активного, устойчиво положительного отношения уравнивается. Он в среднем составляет 46 %, возрастает пассивное и компромиссное отношение, отрицательное колеблется от 3,0 у сельских до 3,7 % у городских школьников.

Среди семиклассников активное отношение от 30 % у сельских до 20 % — у городских школьников. У учащихся городской школы преобладает активное, но неустойчивое отношение, и в 1,5 раза выше, чем у сельских сверстников, процент отрицательного отношения (13,5 %).

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. С возрастом у подростков как городских, так и сельских школ значительно увеличивается процент отрица-

тельного, неустойчивого отношения к нравственным нормам.

2. Остается по-прежнему высоким процент активного, но неустойчивого (возможны компромиссы) отношения. Это характерно для семиклассников, где данный показатель самый высокий.

3. Высокий процент активного устойчиво положительного отношения имеют пятиклассники и шестиклассники сельской школы.

Используя методику З. И. Васильевой, мы ставили цель изучить раскрытие учащимися смысла нравственных проявлений (личная ответственность в учении и общественном деле, сотрудничество на уроке, отношение к успеху товарища, умение заметить трудности, стремление и готовность помочь товарищу по учебе, активное участие в обсуждении нравственных вопросов, общественная активность, отзывчивость, чуткость).

В исследовании принимали участие учащиеся вышеизанных школ. В результате было установлено, что нравственные суждения детей различаются по содержанию и характеру, но в большинстве своем адекватно отражают сущность нравственных норм, вместе с тем эти суждения отличаются фрагментарностью и не дают возможности составить достаточно полную нравственную характеристику личности, ее направленности.

Так, в понятии «личная ответственность в учении и общественном деле» подростки видели разный смысл. Для пятиклассников это добросовестное отношение к учебе, хорошее поведение на уроке, для шестиклассников — ответственность, обязанность, среди семиклассников около 20 % считали, что «личная ответственность» — это учиться для себя, ответственность перед самим собой. Старшие подростки наряду с деловыми признаками выделяли социальный аспект в характеристике личной ответственности, рассматривали ответственное отношение к учению как обязанность перед государством, школой, семьей.

Надо отметить, что 60 % учащихся

5-го класса саранской школы, каждый второй городской и каждый третий сельский учащийся 6-го класса не могли ответить на этот вопрос.

Наиболее типичной формой суждения об ответственности перед коллективом для пятиклассников является ответственность за выполнение поручения. Причем они стараются, раскрывая смысл нравственных проявлений, приводить собственные примеры. Для шестиклассников суть данного понятия сводится к неудовлетворению, если что-то не сделано для коллектива класса. Для старших подростков — это ответственность не только за знания, но и за поступки товарищей, взаимопомощь, обязанность каждого. Для семиклассников как города, так и района характерен высокий процент не ответивших на этот вопрос — 47 — 54 %.

Раскрывая нравственный смысл понятия «сотрудничество на уроке», пятиклассники сводят его к сотрудничеству с учителем, подсказке друг другу. Суждения шестиклассников сводятся к помощи, переживанию за товарищей, старшие подростки особую роль отводят работе с учителем.

Говоря об отношении к успеху товарища, надо отметить, что у пятиклассников это радость за него, у шестиклассников появляется зависть, у старших подростков в равной степени присутствует и то, и другое.

Раскрывая ведущие проявления отзывчивости, одни школьники указывали, что это доброта, сочувствие, помощь, другие акцентировали внимание на необходимости отзываться на чужую беду, желании помочь, не бросать друга в беде.

Нравственный смысл общественной активности как качества личности у одних сводится к активности в обществе, участию в делах класса и школы, у других — к работе, помощи.

Особо хочется остановиться на анализе ответов об участии в обсуждении вопросов о человеческих отношениях, поведении людей. Учащиеся 5 — 6-го классов г. Саранска и 90 % учащихся 7-го класса г. Инсара не ответили на этот вопрос. К сожалению, сегодня

мало обращается внимания на исследование процесса усвоения нравственных норм. На практике ингорируются условия перехода сложившихся в обществе норм нравственности во внутренний мир личности. Отношение к воспитанию как к своеобразному тренажу, механическому внесению в объект воспитания тех или иных нравственных черт вне зависимости от позиции личности, ее потребностей и интересов приводит к тому, что от самого факта участия школьника в «воспитательных» мероприятиях автоматически ожидается положительный результат. Некоторые педагоги рассматривают процесс усвоения подростками нравственных норм как рациональное уяснение индивидом должного.

Это предполагает апелляцию только к разуму личности, ориентацию на разъяснение, словесное убеждение, абсолютизацию вербальных форм воздействия. Такие воспитатели раскрывают процесс усвоения нравственных норм по аналогии с правовыми.

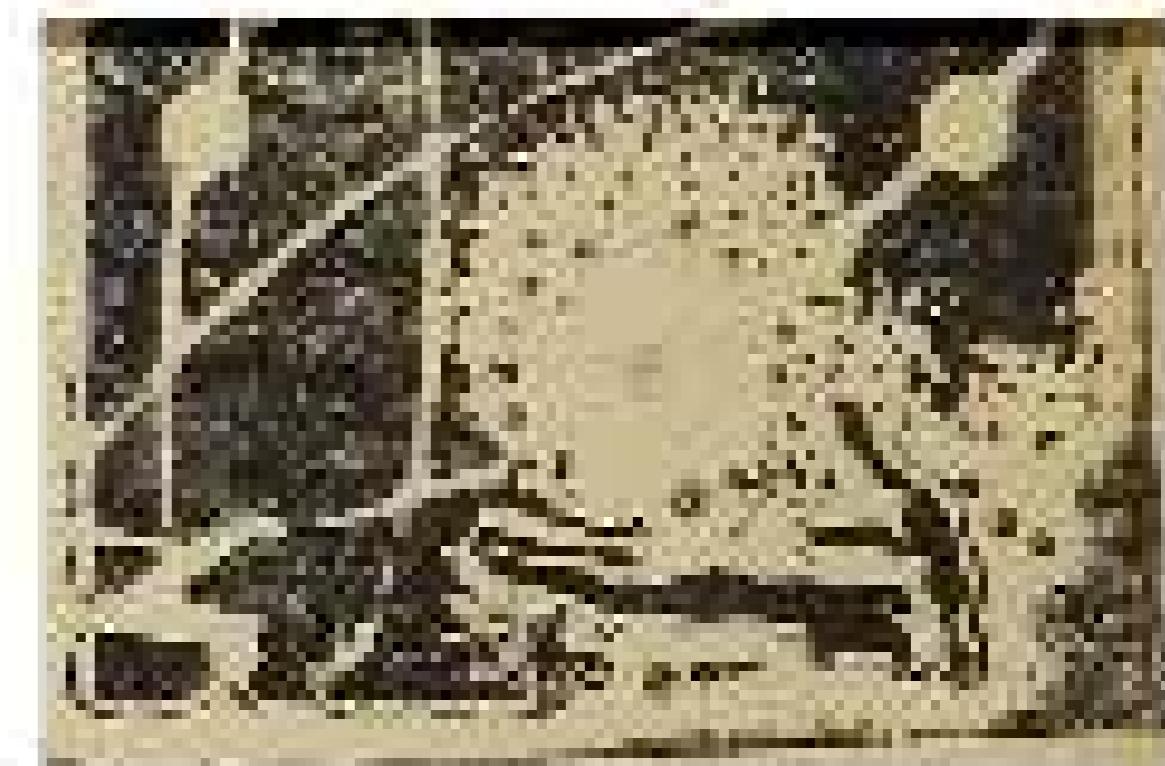
Формирование высоких нравственных устоев зависит от организации учебно-воспитательного процесса, важным условием которого является постановка школьников в позицию активных, сознательных и творческих личностей, привлечение их к конкретной деятельности, обеспечивающей усвоение знаний в области морали и рождение нравственных отношений, адекватных общественному значению этой деятельности.

НАУКА И ПРАКТИКА

История

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

В. А. БАЛАШОВ, В. А. ЮРЧЕНКОВ,
кандидаты исторических наук

В наше время — время дискуссий, плурализма мнений и конфронтации позиций — вряд ли можно выделить какую-либо область человеческих знаний, которая не была бы охвачена очистительными ветрами перемен, не оказалась бы вовлеченной в глубокий процесс перестройки. Не является исключением и история нашего государства, отдельных его регионов.

Философия истории XX в. выработала парадоксальное мнение об исчезновении исторической науки, которое, естественно, не воспринимается ее представителями. Серьезные возражения вызывает и тезис о конце истории как таковой (см.: Фукuyama F. Ко-

нец истории? // Вопр. филос. 1990. № 3. С. 134 — 135). Но, анализируя состояние региональной исторической науки, в том числе мордовской, порой ловишь себя на мысли, что философы правы.

О достижениях исторической науки написано довольно много. И нам хочется повторяться, тем более, что успехи на виду. Поговорим о проблемах, о болезненно острых вопросах исторического знания в республике.

В результате многолетнего господства «единственно верной» идеологии наша наука претерпела существенные деформации. Властвовавший долгие годы экономический детерминизм, воздвигнутый в методологический абсолют,

привел к тому, что история, ее многообразие, неповторимость и уникальность многих исторических реалий были сведены к «унылому» развитию производительных сил и производственных отношений. Наиболее губительные последствия подобного подхода проявились на местах. Сложившаяся в результате многолетних трудов И. Н. Смирнова, В. Н. Майкова, Г. П. Петерсона, М. Е. Евсевьева, Н. Калачова политическая история мордовского края прекратила свое существование. Приоритетное право на освещение получили вопросы, связанные с классовой борьбой и колонизацией края. Ни в одном из фундаментальных трудов по истории Мордовии читатель не найдет массы интереснейших фактов политической жизни региона. Он ничего не узнает, например, о том, что в XVII в. воеводами в городах края были видные военные и политические деятели того времени К. Н. Нарышкин (кстати говоря, дед Петра Великого по материнской линии), М. А. Ртищев, И. Ф. Болконский и др. Не узнает он и о том, что в XVIII столетии Мордовия стала местом ссылки многих оппозиционеров, что Петр I сослал в Саранск одного из Лопухиных — участника неудачного заговора, что Ижарская Тумоловская обитель была местом пожаждания политических преступников в черные для России времена «бирюзовицы». Таких фактов множество.

Говоря о политической истории мордовского края, отметим, что и на том, что сделано, лежит печать заданности, обусловленная все тем же идеологизированным подходом. Проблемы, связанные с крестьянскими войнами XVII — XVIII вв., движениями крестьян и работных людей в XIX в., третья российскими революциями, гражданской войной, коллективизацией, освещены с позиций «классового» подхода. Факты, противоречащие ему, либо умалчиваются, либо искажаются. Читатель не даст свидетельства о том, что один из разинских сподвижников М. Харитонов сжег практически весь Саранск, а ведь в городе проживали

не только представители «господствующих» классов. При этом ворой игнорируется и точка зрения класса, от имени которого выступает исследователь. Например, до настоящего времени никто из историков не объяснил существующую в мордовском фольклоре негативную оценку Степана Разина, тогда как по логике классического подхода это личность положительная.

Подчеркивая необходимость создания очерков по политической истории мордовского края, мы осознаем, что даже в случае успеха отставание исторической науки в республике вряд ли будет преодолено. Она не поднимется до уровня современных требований, ибо одна из основных тенденций развития мировой историографии заключается в коренной ломке традиционной тематики. Центр переместился, по выражению американского историка Л. Стоуна, с «окружающих человека обстоятельств на человека в исторически конкретных обстоятельствах» (см.: Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопр. истории. 1991. № 2 — 3. С. 21). Кстати говоря, к этой важной методологической мысли в России пришли еще на рубеже веков. Не случайно В. С. Соловьев писал: «... общество есть дополненная им расширенная личность, а личность — сжатое, или сосредоточенное, общество» (Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. I. С. 286).

Мышление глобальными категориями «производительных сил» и «производственных отношений», «классов», «светлого будущего» привело нас к обезличенной истории. В наших книгах действуют «группы людей» и «исторические общности», а не конкретные личности, самобытные и неповторимые. Мы отказались даже от такой категории, как «национальный герой». Искужли среди мокшан и эрзян, русских и татар, проживающих в нашем крае, не было людей, оставшихся в памяти народной? Да были же! Это князья Пургас и Баюш, Балнев, Алена Арзамасская, Асан Каракурин,

Несмеян Васильев, Кузьма Алексеев и др.

Отказ от личностного фактора привел к игнорированию бытовой истории. Мы очень мало знаем о том, как жил парод, каковы были его ценностные ориентации, что окружало людей в их повседневной жизни. У нас нет разработок по социальной психологии — одному из приоритетнейших направлений современной мировой исторической мысли.

Впрочем, в региональной историографии существуют исторические портреты. Особенно характерны они для работ по истории Октябрьской революции и гражданской войны. Но зглядимся в них объективно. Вот, например, один из активнейших борцов за установление Советской власти в Саранском уезде Ф. Каплев. Его заслуги в этом процессе неспоримы, но оценка его деятельности неожиданно негативна. Почему? Дело в том, что какое-то время он примыкал к меньшевикам, а это с точки зрения партийности науки «грех великий». В отличие от Ф. Каплева председатель Саранской уездной ЧК Б. Дель состоял только в рядах большевистской партии, кроме того, он неоднократно обращался к В. И. Ленину, и тот делал на его письмах пометки. Исходя из этого его деятельность оценивается положительно, а ведь это был человек, действия которого нанесли существенный ущерб Советской власти, фактически дискредитировали ее в глазах многих людей.

Классовый подход, пренебрежительное отношение к интеллигенции (до сих пор живо выражение «гнилая интеллигенция») привели к тому, что нет у нас ни истории культуры края. Благодаря усилиям И. Д. Воропина мы знаем о Саранской живописной школе, о Макаровых, о литераторах края, и этим наши познания исчерпываются. А ведь существовала еще иконописная школа в Пайгармском монастыре, в Мордовии творил Филарет Былинин — один из крупнейших провинциальных архитекторов и живописцев России на рубеже XVIII — XIX вв.

А что мы знаем о книжном мире нашего края, о сокровищах монастырских и дворянских библиотек, погибших под топорами современных вандалов, о типографиях, существовавших практически во всех городах Мордовии? А национальная культура, наконец? Какие процессы в ней происходили и происходят, под влиянием каких факторов она развивалась?

Классовый подход должен был способствовать созданию фундаментальных разработок по истории классов региона. На деле же история крещества Мордовии создается с большим трудом (вышли два тома, охватывающие советский период), а на разработку истории рабочего класса, интеллигенции не хватает сил. Мы уже не говорим об истории господствующих классов, без знания которой социальная структура региона представляется весьма схематичной. Следует иметь в виду и то, что общество никогда не состояло из одних больших классов, в нем находились мелкие образования, стратосы. Необходимо выявить их соотношение с макрогруппами и роль в общих социальных процессах. Данная тематика отсутствует в локальных исследованиях.

Почему бы не обратиться к изучению монашества в мордовском крае с анализом этой проблемы и в личностном, и в социальном плане? Осмысление данной тематики имеет не только научную ценность, но и несомненный читательский интерес. Материал же весьма самобытен. Это и действия широко известного Сергиуха Саровского, и личность восстановителя Санаксарского монастыря близ Темникова иеромонаха Феодора (в миру И. И. Ушаков) и др.

К сожалению, историческая наука республики опустила и такую принципиально важную тему, как место мордовского народа в мировой, или, используя термин ациалистов, «глобальной», истории (см.: Блок М. Аналогия истории, или Мастерство историка. М., 1986. С. 18). Определить вклад мордовы в мировую цивилизацию мож-

но лишь на основе анализа ее взаимодействия — диалога, по М. М. Бахтину, — с цымыми народами. «Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончаться» (Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 294).

Несколько слов о понятийном аппарате. Мы привыкли употреблять общесоциологические понятия «класс», «государство», «собственность», «феодализм», «капитализм», «социализм» в их марксистской интерпретации, между тем многие философы и историки выделяли доминирующую в марксизме мифологизирующую категорию момент. Например, Н. А. Бердяев писал: «Маркс создал настоящий миф о proletariat. Миссия пролетариата не есть только наука и политика; он есть также вера, религия» (Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 83). Аналогичная ситуация складывается и по отношению к иным историческим реалиям. В результате резко сузилась возможность их толкования, исторический процесс в какой-то мере унифицировался. Допустим, при анализе феодализма у мордовы выискивались черты, наличествующие у этого состояния общества и в Западной Европе, и в Азии. Между тем гораздо больший интерес представляют специфика формации в красе, ее конкретные национальные проявления.

Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод о наличии кризисных явлений в исторической науке республики и необходимости ее перестройки (в некоторых направлениях исследований и перестраивать нечего), создающейся собственной научной школы исторической мысли, в основу изысканий которой будут положены важнейшие методологические принципы любого подлинного знания — объективность и поиск истины.

Основными направлениями деятельности историков в ближайшие годы, на наш взгляд, должны быть следующие:

— написание очерков политической

истории Мордовии как доколюдоцационного, так и советского периода;

— широчайшая популяризация истории Мордовии и проживающих в ней народов;

— выявление личностного аспекта в исторических реалиях и поиск нового подхода на основе этого к проблемам социальной структуры региона;

— исследование истории культуры и быта, разработка проблем социальной психологии.

Провозглашенная приоритетность данных направлений исследований, мы ни в коем случае не отрицаем достигнутого в области изучения социально-экономической истории. Мы предлагаем выявить связи между явлениями, имевшими место в социально-экономической области, с политическими реалиями, детерминированными демографическими, социально-психологическими и культурными феноменами.

Известно, что в течение последних десятилетий в республике, как и во всей стране, происходил интенсивный процесс деэтничизация мордовского народа. Чтобы приостановить эту крайне нежелательную тенденцию, необходимо радикально изменить отношение к его позитивному духовному наследию, а для этого, разумеется, нужны соответствующие научные изыскания о традициях народа, взаимодействиях их компонентов по постпроизведству народно-бытовой культуры, о механизме передачи духовных ценностей от одного поколения к другому. Ключевая роль в решении этой проблемы принадлежит этнографам.

На наш взгляд, исторической науке республики необходимо существенно расширить источниковую базу. Если говорить об исследованиях в области доколюдоцационной истории, то шаги в этом направлении, по всей видимости, являются традиционными — архивные изыскания. Гораздо сложнее обстоит дело с советской историей. Исследователи постоянно сталкиваются с фальсификацией действительности в официальных документах, подтасовкой статистики и т. п. Необходим своеобразный индикатор, который бы сигна-

лизировал об уровне достоверности того или иного документа. В качестве такого индикатора может выступить устная история народа, в связи с чем перед учеными, общественностью встает задача сбора и записи воспоминаний. Конечно же, воспоминания собирались, и в архивах их нежало, однако запись шла, как правило, к «датам» и обращались в основном к памяти старых революционеров, председателей колхозов, активистов и т. д. Нет голосов рабочих, крестьян, интеллигентов. Подчеркивая роль воспоминаний в освещении исторического прошлого, мы понимаем, что этот источник несет ярко выраженный субъективный характер. Быть может, ситуация изменится в связи с претворением в жизнь Указа Президента России Б. Н. Ельцина об архивах партии и органов госбезопасности, свободный доступ к которым позволит выявить новые факты, способные «перевернуть» историю края, особенно советского периода.

Необходимо, на наш взгляд, и новое методическое оснащение исторической науки. Большинство наших коллег понимает насущную потребность использования математики в исследованиях. Математические методы открывают широтайшие возможности, особенно по тем направлениям деятельности, где традиционная методика практически ничего не дает. Их использование ставит проблему междисциплинарного сотрудничества, которое, на наш взгляд, просто необходимо. И не только с математиками, но и с географами, климатологами, биологами, почвоведами.

Необходимым условием внутренней ломки в исторической науке республики является, на наш взгляд, изменение отношения к немарксистской историографии и включение в процесс развития мировой исторической науки. Сегодня мало кто из историков знаком с фундаментальными работами У. Харви-Хомберга о религиозных воззрениях мордовы, А. Хаяляйнена о быте восточных финно-угров, А. Капцелера о политической и социально-экономической истории региона. Сложившуюся ситуацию необходимо менять, коренным образом.

Среди неотложных мер, которые смогли бы, как нам представляется, изменить создавшееся положение, мы бы выделили:

- проведение научно-практической конференции по проблемам исторической науки и исторического краеведения в Мордовии;

- организацию дополнительных статистико-этнографических экспедиций в районы внепререспубликанского проживания мордовского народа, т. е. его диаспор;

- установление более тесных научных контактов с историками, культурологами Финляндии, Венгрии и ряда других стран, интересы которых связаны с проблемами финно-угроведения, в частности мордоведения.

Выступая с данным анализом современного состояния исторической науки в регионе, мы не претендуем на истину в последней инстанции, однако названный круг проблем весьма волнует нас, и мы хотели бы услышать мнение и коллег, и читателей по их поводу.

Философия

ЦЕННОСТНО-ОЦЕНОЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Д. Е. ФРОЛОВ, кандидат философских наук

Анализу различных сторон социальной активности личности (ее сущности, структуры, детерминации, основных форм проявления, методик социологического исследования) посвящено значительное число работ советских и зарубежных ученых. Возросла актуальность и практическая значимость этой проблемы. На этапе кардинальных преобразований общества активность поставлена в ряд важнейших черт морали советского человека.

Существует большое многообразие взглядов в понимании этого феномена. Наиболее распространеными являются точки зрения, в которых социальная активность определяется как «любая деятельность» (Ю. И. Быков, В. Н. Вьюжанин, Г. С. Григорьев), «особая форма проявления (или вид) деятельности» (Г. С. Арефьева, В. Д. Шапиро), «совокупность актов или действий» (М. В. Демин), «акт перехода возможности в действительность» (А. И. Крупнов, А. И. Прядкин), «устойчивое свойство личности» (Р. Г. Апресян, В. С. Липицкий, В. Г. Мордович), «мера деятельности» (Е. А. Ануфрьев, В. А. Смирнов, А. И. Сухарев).

Преобладают частнонаучные дефиниции. Представители разных наук (социологии, теории социализма, этики, эстетики, психологии, педагогики и др.) определяют социальную активность по-разному, в зависимости от целей и задач той или иной науки. Они вскрывают отдельные существенные черты этого явления, рассматривают его односторонне. Нередко их подходы альтернативны. Неоднократно предпринимались усилия по сближению разных позиций на основе объединения наиболее продуктивных положений каждой из них. Своеобразный

итог двадцатилетнему теоретическому поиску в этом направлении подвели авторы совместного исследования девятыми стран (Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Чехо-Словакии, СССР), осуществленного в конце 80-х годов (см.: Социальная активность трудящихся масс в условиях социализма. М., 1987. 368 с.). Однако и в этом труде не была выработана единой концептуальной основы. Эклектическое сочетание разных взглядов на сущность проблемы и чрезмерная идеологизированность негативно отразились на решении конкретных задач. Без ответа остались многие принципиальные вопросы:

- правомерно ли социальную активность представлять одновременно как свойство личности, как деятельность и как меру деятельности;
- оправдано ли идеологическое стимулирование активности;
- как совместить положение о «творческом раскрепощении личности при социализме» с ростом пассивности, преступности и бездуховности;
- как согласовать утверждение о «создании объективных условий роста активности трудящихся» со значительным падением продолжительности жизни, с ростом детской смертности;
- кто вправе оценивать социальную активность конкретного человека, возможна ли объективная оценка, каковы ее критерии.

Таким образом, даже в ориентированных на практику работах проявилась тенденция «схода» от наболевших проблем, подмены их идеологическими штампами.

Оторванность от реальной жизни выразилась и в другом варианте поиска общего подхода. Обосновывая категориальный статус «социальной ак-

тивности», некоторые философы попытались подвести это понятие под другое, якобы более широкое — «активность материи» (см.: Мордкович В. Г., Помыкалов В. В. Активность как философская категория // Социальная активность личности. Волгоград, 1978. Вып. 2. С. 8 — 17). Но активность личности является целостной социальной системой. Для анализа таких систем, ограниченных в пространственно-временном интервале, непродуктивны абстрактные рассуждения об активности материи в целом.

В частности, применительно к конечным материальных системам нельзя абсолютизировать самодвижение и самодетерминацию. Такие системы выступают одновременно компонентами более сложных систем. Они всегда существуют с подобными себе или иными системами и испытывают воздействия извне. Самодетерминация конкретных систем состоит лишь в том, что они преобразуют, ассимилируют внешние воздействия, исходя из своих внутрисистемных целей или внешних функций.

Кроме того, когда мы имеем дело с конкретными системами, их активность всегда предполагает определенный уровень своего проявления. Всегда имеется в виду какой-то относительно высокий или относительно низкий уровень этой активности. К материин же в целом такое разграничение уровней неприемлемо. О материин никогда нельзя сказать, что она высокоактивна или низкоактивна, потому что в ней одновременно реализуется бесчисленное множество различных количественных и качественных уровней активности.

На наш взгляд, методологический путь решения проблемы должен быть иным. Верно, что категорию «активность материи» можно определить только через категории «материя» и «самодвижение материин». В таком случае активность есть всеобщее атрибутивное свойство материи, заключающееся в ее способности к самодвижению и проявляющееся в ней (см.: Красильский В. И. К анализу по-

нятий активности материальных систем // Вопр. философии. 1969. № 10. С. 54 — 63).

Но понятие «социальная активность» имеет иное содержание. Его следует определять на основе соотнесения с понятиями «социальная деятельность», «субъект деятельности», «условия деятельности», «социальная пассивность». Предстоит также сопоставлять разные уровни активности. Для этого необходимо ввести понятие, отражающее процесс деятельности в любой ограниченный отрезок (момент) времени. Им может выступать, по нашему убеждению, понятие «состояние социальной деятельности». Оно выражает деятельность человека в единстве всех количественных и качественных сторон при доминировании процесса преобразования предмета в определенный отрезок времени, в конкретных общественных условиях...

В общесофийском плане понимание категории «состояние» (как «доминирующего способа реализации бытия объекта» в определенных пространственно-временных условиях) близко к концепции, разработанной саранскими учеными В. И. Демидовым и В. И. Кемкиным (см.: Демидов В. И. Категория «состояние» в истории и марксистской философии. Саранск, 1975. С. 56; Кемкин В. И. Категория «состояние» в пачном познании. М., 1983. С. 81 — 82).

Конкретизируя вышесказанное, важно отметить следующее:

- целостным субъектом деятельности является человек в единстве его социальных, психологических и природно-биологических черт;
- социальным носителем (социальному субъектом) деятельности выступает личность как индивидуализированное единство социальных и психологических свойств человека и как ведущая подсистема его самоуправления;
- природно-биологический носитель деятельности — организм человека;
- доминирующим способом проявления процесса деятельности, определяющим его своеобразие, выступает про-

щес преобразования предмета (в познавательной деятельности объектом преобразования выступает сам человек), которое происходит в соответствии с мотивами, целями субъекта и способами деятельности, исторически сложившимися в обществе;

— процесс преобразования предмета отражается в сознании в виде совокупности определенных параметров.

Состояние деятельности может меняться в зависимости от того, в какой степени человек использует свои способности и условия. Если он реализует их в определенный отрезок времени в оптимальной степени, то состояние его деятельности будет находиться на оптически высоком уровне. И наоборот, если тот же человек в другой промежуток времени не использует своих способностей и соответствующих условий, то это приводит к понижению уровня состояния его деятельности. При такой постановке вопроса возникает необходимость выделения совершенно новой количественной и качественной характеристики деятельности конкретного социального субъекта (личности, коллектива, социальной группы, общества) в определенный момент времени, которая отражала бы отношение реального уровня этого состояния к общественно требуемому (или оптимальному). В качестве такого нового системного показателя и выступает, согласно нашей концепции, социальная активность.

Социальная активность личности — это целостная социальная характеристика деятельности, выражаемая отношением ее фактического состояния к общественно требуемому. «Фактическое» состояние деятельности реально проявляется конкретной личностью в определенный отрезок времени. «Общественно требуемое» — такое состояние деятельности, которое предъявляется обществом к данной личности в соответствии с ее способностями, общественными потребностями и интересами, объективными условиями.

В целях более подробного пояснения определения остановимся на некоторых важных моментах.

1. Феномен социальной активности личности имеет три взаимосвязанных аспекта рассмотрения: процессуально-деятельностный, личностный и оценочный. Реально проявляясь как процесс в деятельности человеческого индивида, социальная активность закрепляется в его личностных свойствах и отражается в общественном сознании в форме социальной оценки.

В любом случае главным выступает наличие конкретной связи деятельности с определенными социальными требованиями. Проявляя определенный уровень социальной активности, личность не просто действует, она оценочно действует. Это значит, что каждый акт своей деятельности она оценивает и соотносит (сознательно или интуитивно) не только со своими потребностями и интересами, но и с требованиями общества.

Сопоставляя наиболее известные точки зрения на проблему, следует подчеркнуть, что альтернатива, согласно которой социальная активность есть либо «деятельность», либо «мера деятельности», либо «свойство личности», является ложной. Социальная активность личности — это сложное, многогранное социальное явление. Она может выступать, в зависимости от аспекта рассмотрения, и как социальный процесс, и как социальная оценка этого процесса, и как свойство личности.

2. Мы акцентируем основное внимание на оценочном аспекте активности. Социальная активность представлена нами в форме оценочного отношения. Такое отношение всегда выражается посредством сравнительного соотнесения полезных свойств какого-либо явления с соответствующим оценочным эквивалентом (см.: Брожик В., Марксистская теория оценки. [Пер. со словацк. М., 1982. С. 85; Розин Я. А. К вопросу о природе ценностных явлений // Филос. науки. 1989. № 6. С. 90]). В нашем случае это отношение можно выразить следующей формулой: $A = C_1/C_2$, где A — социальная активность; C_1 — показатель фактического состояния социальной деятельности; C_2 — уровень социально требуемого состоя-

ния социальной деятельности.

При конкретно-социологическом рассмотрении этого вопроса необходимо выделить совокупность параметров, количественно и качественно характеризующих любые состояния деятельности, а также допускающих математическую обработку. Это создаст возможность построения математических моделей, использования математического аппарата и ЭВМ при проведении социологических исследований.

3. Социальная активность любого субъекта имеет свою меру — меру своего существования. Ее верхние «оптимальные» границы фиксируют такой уровень активности социального субъекта, при котором он оптимально использует свои способности и имеющиеся условия для осуществления деятельности ($C_1 = C_*$), а нижние границы показывают нулевое их использование ($C_1 = 0$).

Кроме оптимальных существуют, вероятно, еще несколько верхних (пределых) границ активности. На их уровне человек может поддерживать свою жизнедеятельность лишь ограниченное время, рамки которого зависят не только от социальных условий, но и от резервов организма. Например, известно, что в экстремальных условиях человек может трудиться несколько суток без сна, отдыха и пищи. Это работа «на износ», в конечном счете она подрывает здоровье и сокращает продолжительность жизни. У каждого есть предел возможностей. Он зависит от состояния здоровья, возраста, а также от эмоционального настроя в данное время.

4. Следует различать понятия «оценочное отношение» (оценка) и «оценочный процесс» (оценивание). Оценивание состоит из: 1) формирования оснований сравнения (эталонов, критериев), 2) способов сравнения (шкал), 3) набора основных первичных показателей, 4) самих процессов сравнивания, 5) выбора наиболее целесообразной точки зрения субъекта (или общества) в конкретных условиях.

Оценочный процесс может осуществляться по прямым или косвенным

показателям. Например, профессиональные качества работника непосредственно оцениваются по уровню квалификации, информационной насыщенности его трудового процесса и наличию творческих элементов, а опосредованно — по степени выраженности синдромов его психофизиологических (личностных) свойств, соответствующих успешному выполнению данного вида деятельности (см.: Кочкина Н. В. Количественная оценка содержательности труда: М., 1987, С. 7).

5. Социальные оценки помогают личности осуществить выбор между различными ценностными альтернативами, ведущими к намеченной цели. Они играют также важную роль при формировании системы ценностей общества. Все ценностные явления возникают и существуют только при наличии социальных оценок. Например, ценностное отношение (т. е. общесообщественно принятая общая положительная значимость того или иного явления) возникает в результате социальной оценки его свойства. Верность разных оценок обычно проверяется в процессе общественной практики.

Оценка, проникнувшись в ценностное отношение, закрепляется в ценностных нормах (правилах и принципах), предписывающих характер конкретного действия. Посредством норм ценностные отношения выполняют в обществе функцию социальной регуляции деятельности. Ими руководствуются разные люди (сознательно или неосознанно) в процессе «выбора» мотивов и постановки целей деятельности. Здесь мы уже имеем дело с процессом мотивации социальной активности.

У каждого человека то или иное ценностное отношение преломляется через его личностные интересы, потребности, знания и оценки. В случае положительной оценки это отношение превращается в ценностную ориентацию (см.: Головных Г. Я. Ценностные ориентации и перестройка общественного сознания // Филос. науки. 1989. № 6. С. 85 — 86), которая опре-

деляет доминирование тех или иных видов активности, уровень их интенсивности, их социальную направленность и т. д.

Подводя итог нашим рассуждениям, можно заключить, что социальная активность личности есть сложное и многостороннее социальное явление. Ее главный отличительный признак — наличие особой связи личности с об-

ществом, выражющейся в форме оценочного отношения. При этом оценка процесса деятельности осуществляется как обществом, так и самой личностью. Мотивация социальной активности в значительной степени обусловлена ценностной ориентацией личности. Таковы исходные положения аксиологической (ценностно-оценочной) концепции социальной активности личности.

ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

В. И. КЕМКИН, доктор философских наук,
б. С. ГНАТЮК, кандидат философских наук

Научные теории, их строение с неизбежностью отражают с той или иной степенью адекватности структуру развития. Это обусловлено атрибутивностью развития, его принадлежностью всем структурным уровням материи.

Структура развития в наиболее общем виде выводима лишь в логике диалектических понятий. Она может быть представлена «сеткой» понятий «объект-состояние» — «переходное состояние» — «связь состояний». Действительно, любой фрагмент реальности возникает и первоначально обнаруживается в особом качестве, в котором старые противоречия сняты, а новые, в силу их неразвитости, еще не различимы. В этом особом состоянии материальных вещей и явлений, вовлеченных в процесс практической и духовной деятельности людей, снято прежде всего противоречие дифференциованности и целостности в организации систем и структуре процессов.

В мышлении данное состояние фиксируется в качестве исходного момента познания — момента «слияния», неразличимости представлений (понятий) об объекте и его состоянии как способе обнаружения бытия. «То, что

начинается, уже есть, но в такой же мере его еще и нет... начало есть ил (бытия и небытия. — Авт.) неразличенное единство» (Гегель. Наука логики. М., 1971. Т. I. С. 131). Другими словами, existence тех или иных фрагментов действительности начинается с единого основания (субстрата), по отношению к которому множество разнокачественных предметов выступает как множество однокачественных объектов (например, в структурном, генетическом или структурно-генетическом аспектах). Подобное множество однокачественных вещей, возникающее как результат объективно-субъектных отношений, по Гегелю, «изводится до состояний».

Рассмотренное выше состояние отражается в понятиях «объект-состояние». Оно «снимает» объективно-субъектные противоречия и указывает, что в «исходных пунктах» действительности (возникновение качественно новой вещи) и познания внутрикачественное движение не дифференцируется и не разделяется, хотя и налицоует. По отношению к миру в целом эта относительная недифференцируемость, нерастворимость воплощается в субстанциональности материи,

внутри нее присущее ей свойство активности приводит к многообразию проявлений (состояний) в соответствующих пространственно-временных условиях.

«Устремленное» лишь в понятии противоречие реально живет и поддержено изменениям. Уже в начальной стадии своего существования оно как бы раздваивается на взаимоисключающие противоположности, фиксирует необходимый акт становления объекта. Данный момент развития может быть охарактеризован понятием «переходное состояние». Если понятие «объект-состояние» снимает противоречие дифференцированности и целостности, а также безразлично к внутреннему движению качества предметов, то понятие «переходное состояние» характеризуется противоположными чертами и обладает довольно сложной структурой. Переходное состояние суть изменяющееся состояния дифференцированности и целостности основного противоречия объекта и главная форма его разрешения. Это период спецификации и интеграции качественной определенности объекта-состояния и одновременно процесс преобразования старого качественного состояния в новое, которое в итоге приводит к уничтожению и превращению объекта-состояния как субстрата изменений в свою противоположность. То есть в конечном счете переходное состояние само превращается в субстрат. Оно становится субстратом связи состояний, обуславливает закономерный, последовательный процесс изменения,

Понятие «связь состояний» фиксирует, таким образом, всеобщую форму проявления процессов разветвления, так как оно отражает закономерности превращения «объекта-состояния» в «объект-состояние» через «переходное состояние», «объект-состояния» в «объект-состояние» через «переходное состояние» и т. д.

Итак, сетка понятий «объект-состояние» — «переходное состояние» — «связь состояний» позволяет характеризовать развитие как иерархически

организованное изменение состояний, которое применительно к «материи в целом» отражает ее эволюцию. В. И. Ленин писал, что «диалектический материализм настаивает... на превращении движущейся материи из одного состояния в другое» (Поли. собр. соч. Т. 18. С. 276).

Категориальные структуры большинства научных теорий представляют собой «ставшие», гносеологические картины развития тех или иных сфер реальности. Например, если осуществить «вертикальный срез» физических теорий в отличие от их «горизонтальных срезов» (см.: Степан В. С. Ставление научной теории. Минск, 1976), то он может быть концептуально интерпретирован с помощью категориальной структуры «объект-состояние-закон», относящейся к высшим уровням систематизации знания. Условия применения данной категориальной структуры связаны с тем, что для всех фундаментальных физических теорий характерна общая структура. Три элемента составляют основание любой фундаментальной теории: понятие («состояние»), уравнения движения, опиивающие зависимость состояния (т. е. законы), и совокупность наблюдаемых физических величин, с помощью которых опускаются объекты данной физической теории (см.: Михнев Г. Я. Общая структура фундаментальных физических теорий и понятие состояния // Физическая теория. М., 1980. С. 423).

Фундаментальность категориальной структуры «объект-состояние-закон» выходит за рамки физики и обнаруживается в теоретической химии, в генетической теории естественного отбора и кибернетике. Нетрудно усмотреть связь указанной категориальной структуры с «сеткой» понятий, отображающей развитие как иерархически организованное изменение состояний.

В условиях конкретной исследовательской ситуации, когда на теоретическом уровне рассматривается динамика «ставшего» объекта, может быть осуществлена операция, при которой

понятие «объект-состояние» редуцируется в понятие «объект»; «переходное состояние» — в «состояние», «связь состояний» — в закон (последнее связано с тем, что в теоретических системах исследуются прежде всего закономерные связи состояний).

Конкретизация указанных понятий обусловлена природой исследуемых объектов (физических, химических, биологических и др.) и осуществляется в рамках конкретнонаучных теорий.

Таким образом, развитие эволюция материи как иерархически организованное изменение состояний, выраженное в логикеialectических понятий схемой «объект-состояние» — «переходное состояние» — «связь состояний», приводит к необходимости признания того, чтобы в процессе научного познания «...был исследован весь ряд известных состояний, последовательность их и связи» (Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. I. С. 166—167).

ФИЛОЛОГИЯ

ТЮРКИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

И. Д. БИККИНИН

Контакты народов невозможны без контактов языков, что наиболее ярко проявляется в заимствовании. Языки тюркских народов оставили множество следов в самых различных языках. Немало тюркизмов и в английском языке, имеющем мировое значение.

Согласно различным источникам, их насчитывается от 10 до 800. Мы считаем наиболее точной цифру 400, причем 55 % составляют этнографические реалии, 26 относятся к общественно-политической лексике, 19 % являются природными реалиями. Эти заимствования входят в научную терминологию, встречаются в основном в общественно-политической и специальной литературе, поэтому большинство слов известно довольно узкому кругу лиц.

Слова тюркского происхождения начали проникать в английский язык с конца XV в., когда гунны-тюрки покорили предков англичан — англов и саксов. В процессе развития английского языка большинство слов тюркского происхождения были вытеснены общегерманской либо старофранцузской лексикой. Проникновение тюркизмов в древнеанглийский язык происходило и через язык варягов-скандинавов в

эпоху скандинавского владычества над Англией (известно, что варяги активно контактировали с тюрками и наверняка заимствовали у них какие-то понятия).

Прямые контакты англичан с тюрками возобновились только во времена крестовых походов. С 1096 по 1270 г. европейцы предприняли восемь походов в Палестину для «освобождения гроба господня». Основным противником, с которым пришлось столкнуться крестоносцам, были тюрки, или, как их называли на Западе, сарацины. Интересно, что в английском языке гречиху до сих пор называют сарацинским злаком, что прямо указывает на источник заимствования. Европейцы, воюя в Сирии и Палестине с тюрками-сарацинами, распространили это тюркское название на всех мусульман, в том числе арабов Сирии, Палестины и Египта, вследствие чего большинство этимологических словарей слово загадают относят к арабским заимствованиям. Это одна из характерных для европейских лингвистов ошибок при выявлении этимологии того или иного ориентализма. Им и в голову не приходит, что арабский или персидский

языки (языки столь древних культур) могли что-то заимствовать у тюрков. А между тем в арабском и персидском языках существуют значительные пласты тюркской лексики.

Много тюркизмов пришло в английский через арабский, персидский и индийский языки. Европейские этимологи обычно не учитывают то влияние, которое оказали контакты с тюрками на эти языки. Первыми тюрками поселенцами в Египте и Сирии были огузские племена туркменов. Начиная с X века в Египет разными путями прибывают кипчакские племена, постепенно изменяя языковую обстановку. В результате прихода к власти мамлюкского султана Айбека в 1250 г. государственным языком Египта становится кипчакский, вплоть до 1517 г. процветает литература на кипчакско-огузском языке.

Лексика персидского языка также испытала сильное влияние тюркизмов. В тюрко-персидских государствах, существовавших в X—XVI вв. на территории Ирана, Средней Азии и Индии, сложилась своеобразная языковая ситуация, когда языком науки и религии был арабский, языком литературы и канцелярским — персидский, а при дворах шахов, султанов и в армии в основном употреблялся тюркский язык. За несколько веков большая часть тюрков, живших в Иране и Индии, была ассимилирована персами и индийцами. При этом, естественно, в персидский и индийский языки попало очень много тюркских слов. Знаменный путешественник Афанасий Никитин, зная кипчакский язык, свободно жил сначала в Иране, затем перебрался в Индию. У него не было особой необходимости изучать местные языки, так как в тот период там можно было всюду объясняться на тюркском языке.

Одним из путей проникновения тюркизмов в английский язык стало заимствование им индийских слов. Причем наиболее интенсивно этот процесс протекал в XVI в., когда были основаны первые английские фактории в Индии, и в XIX в., когда Индия стала

колонией Британской империи. Из различных индийских языков в английский попало сорок слов тюркского происхождения.

Свыше шестидесяти тюркизмов проникло в английский язык при посредничестве русского языка, несколько слов заимствованы из польского. Тюркизмы *coach*, *haiduk*, *kivasz*, *chamrige* пришли в английский язык из венгерского при посредничестве немецкого и французского. Одним из самых употребляемых тюркизмов в значении «большая крытая телега» является слово *coach* (оно имеет много других значений: вагон, автомобиль, тренер, репетитор и т. д.). Большинство этимологических словесных указывают, что первоисточником этого слова является название венгерской деревни Kócs. Но еще в древнерусском языке было известно тюркское заимствование «кочь», обозначавшее большую крытую телегу, которую позже начали называть кибиткой.

Тюркизмы переходили в английский язык из немецкого, испанского, латинского, итальянского. Наибольшее их количество заимствовано из французского — *bardai*, *caïque*, *caviar*, *advertisse*, *sabot*, *turkouise*. Прямые контакты носителей французского языка с тюрками начались еще в эпоху крестовых походов. В период усиления экспансии Османской империи (XIV—XVI вв.) на службе у турков состояло много французов, испанцев и итальянцев. В 1536 г. Франция и Турция подписали союзный договор. Французским подданным были предоставлены торговые, консульские и судебные льготы. Восхищение роскошью и богатством Османской империи вызвало в Европе явление туркофильства. Интерес к Турции был так велик, что только в первой половине XVI в. в Европе написано свыше 900 научных трудов о Турции. Естественно, в таких условиях во французском и других европейских языках появилось немало тюркизмов.

В 1579 г. между Турцией и Англией установились дружественные отноше-

ния. Первый английский посол в Турции Уильям Харнборн положил начало прямому проникновению турецких слов в английский язык. В Турции были созданы английские колонии, построены англиканские церкви. Английские писатели начали активно употреблять в своих произведениях восточной тематики тюркские слова.

В XIX в. тюркизмы, в основном турецкого происхождения, начинают проникать не только через описания путешественников, дипломатов и торговцев, но и через прессу. В 1874 г. в Стамбуле выходили две газеты на английском языке — «The Levant Herald» и «The Levant Times». Заемствования из турецкого языка составляют большую часть тюркизмов, попавших в английский язык. Это объясняется тем, что из всех тюркских государств именно Турция имела самые интенсивные и широкие связи с Англией.

В английском языке есть немало тюркизмов, заимствованных при прямых контактах англичан с другими тюркскими народами — азербайджанцами, татарами, узбеками, казахами. В 1558—1559 гг. англичане начинают использовать Волжский торговый путь, только что попавший в руки Московского государства, для выхода в Индию через Иран. В 1558 г. английские коммерсанты побывали в Казани, Астрахани, на полуострове Мангышлак, в Баку, Бухаре и Самарканде, открыв дорогу большому числу путешественников. В 1625 г. опубликованы впечатления от путешествия по Каспийскому морю Антони Шерли и Уильямса Париса. В 1858 г. издается книга путешествий Томаса Аткинсона, побывавшего в Казахстане. К началу XX в. почти все медные, полиметаллические, угольные копи на территории Казахстана находились в руках английских капиталистов. Дневники, отчеты, письма англичан, побывавших в Поволжье, Закав-

казье, Средней Азии и Сибири, пестрят тюркизмами, отражающими понятия и реалии, ранее неизвестные англичанам, которым не существовало эквивалентов в английском языке.

Большинство тюркизмов, попавших в английский язык до XIX в., уже вышло из употребления. Основную массу сохранившейся лексики составляют экзотизмы или этнографизмы. Они не имеют эквивалентов в английском языке и не вступают в синонимические отношения с исконными словами; употребляются они большей частью при описании флоры, фауны, быта, обычая, общественно-политической жизни и административно-территориального устройства тюркского региона. Однако есть немало тюркских заимствований, относящихся к общеупотребительной лексике. Некоторые тюркизмы, например *bosh*, *caviale*, *coach*, *bogde*, *jackal*, *kiosk* и некоторые другие, принимают новые значения, не присущие их этимонам.

Таким образом, слова тюркского происхождения проникали в английский язык с конца IV в., в период пребывания предков англичан — англов, саксов и ютов на европейском континенте. В период средневековья тюркизмы попадали в английский язык в основном при посредничестве французского. С XVI в., со временем установления непосредственных контактов англичан с Турцией и Россией, появляются новые прямые заимствования из тюркских языков. В передаче тюркизмов в английский язык в разной степени участвовали арабский, армянский, африкаанс, венгерский, еврейский, индийский, испанский, итальянский, латинский, малайский, немецкий, польских, русский, сербо-хорватский, французский языки. Основной тюркский язык, из которого шли заимствования при прямых контактах, — турецкий.

К ПРОБЛЕМЕ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВИДА И ОТНОСИТЕЛЬНОГО ВРЕМЕНИ ДЕЕПРИЧАСТИЙ

В. В. ШИГУРОВ, кандидат филологических наук

В традиционной русской грамматике вид и относительное время признаются наиболее яркими глагольными признаками деепричастий. Считается, что деепричастия, как и личные формы глаголов, обладают единой видо-временной подсистемой, поскольку видовые и временные оттенки у них тесно переплетены. Вид трактуется при этом как самостоятельная категория. Что же касается относительного времени, то его лингвистический статус до конца не определен. Есть два основных мнения на этот счет. Одно из них, более распространное, сводится к отрицанию наличия у деепричастий грамматической категории времени. В разных вариациях эта точка зрения представлена в работах Л. Я. Браве, В. В. Биноградова,¹ И. Г. Голанова, А. В. Бондарко, в трех последних академических грамматиках (1952, 1970, 1980). Утверждается, что временное падеж деепричастного действия в целом задается категорией вида. Широкое признание получила таксисная концепция вида деепричастий. Целесообразно остановиться на этом не сколько подробнее.

Термин «таксис» звезден в научный оборот Р. О. Якобсоном как греческий прөобраз используемого Л. Ълумфильдом термина «агег» («порядок»). «Таксис, — пишет Якобсон, — характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» (Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 101). Речь идет о разных типах отношений между сообщаемыми фактами — логических, хронологических, собственно аспектуальных. Деепричастие, по мнению ученика, представляет собой

форму выражения зависимого таксиса в русском языке.

Таксисная концепция была положительно воспринята ведущими современными аспектологами. Так, Ю. С. Маслов уточняет, что таксисные значения одновременности, предшествования и следования (т. е. хронологического типа) не являются ни темпоральными, ни аспектуальными, а должны содержательно «между» ними. В ряде языков они не образуют грамматической категории и включаются в категории времени или в категорию вида. Однако то, что значения такого рода регулярно возникают при взаимодействии видовых форм, позволяет, по мнению Ю. С. Маслова, рассматривать таксис как одну из важнейших функций глагольного вида (Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978. С. 8). А. В. Бондарко приходит к выводу, что только в деепричастиях таксисная функция ила приобретает свою категориальную значимость. Оппозиция таксисных значений существует, с точки зрения автора, в рамках более общего деепричастного значения сопутствующего действия. Выражаются эти значения на синтаксическом уровне двумя типами соотношений: 1) главное сказуемое — второстепенное сказуемое; 2) вид деепричастия — вид основного глагола. Категория вида совмещает при этом таксисную функцию с собственно аспектуальной (см.: Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. С. 154).

Таксисная концепция, безусловно, удобна в нескольких отношениях. Прежде всего, она позволяет объяснить временное соотношение ряда действий едию видовой функцией и,

что особенно важно, независимо от форм репрезентации самого глагола (имеются в виду такие основные формы глагола, как личная, деепричастие, причастие). Нельзя не признать и возможности применения данной концепции в исследовании языков, не имеющих специальных форм зависимого таксиса (деепричастий). Следует подчеркнуть также, что сам термин «таксис», будучи достаточно широким по объему понятия, удобен при функциональном описании грамматики. Он позволяет объединить под одной общей рубрикой («отношение между сообщаемыми фактами») разные типы отношений, а именно: семантико-синтаксические (например, традиционные виды обстоятельств), хронологические (одновременность и т. п.), собственно актуальные (прерывание, факт — процесс и др.). При таксисном подходе временное значение деепричастия оказывается лишним самостоятельным статусом и практически включается в категорию вида на правах его особой функции. Для этого есть свои основания, заключающиеся и в грамматической природе деепричастия. Так, одна и та же деепричастная форма, например, *читая*, передает как значение несовершенного вида (т. е. видовое), так и однотечности (т. е. временное), а форма *прочитав* — соответственно значения совершенного вида и предшествования. Ср.: *Он сидит, читая книгу* и *Прочитав книгу, студент сдал ее*.

Кроме того, отсутствует жесткая парадигматическая связь между временным значением деепричастия и формой его выражения. Например, деепричастие на -а способно в принципе выразить все временные планы деепричастного действия — одновременность, а при особом употреблении предшествование и следование, равно как и деепричастие на -в — предшествование, а при особом употреблении одновременность и следование. Ср.: *Вставая на рассвете, она спускалась в кухню и вместе с кухаркой готовила закуску к чаю* (Горький) (деепричастное действие *вставал* предшествует во-

времени действию основного глагола — *спускалась*) и *В помещение входят люди, снимают верхнюю одежду, складывая ее на прилавки...* (Горький) (деепричастное действие *складывая* следует во времени за действием глагола *снимают*).

Вопрос усложняется еще и тем, что одно временное значение может быть представлено разными (оппозитивными) формами. Речь идет о коррелятах типа *встретив/встретя, прочитав/прочтя* (в значении предшествования). Р. О. Якобсон заметил, что взаимозаменяемость этих форм возможна лишь там, где есть тесный временной контакт двух событий. Так, можно сказать: *Прочитав (прочтя) книгу, он заужался*. Но: *Прочтя книгу, он впоследствии часто говорил о ней*. Справильное: *Прочитав книгу, он впоследствии часто говорил о ней*. Форма типа *прочитав* не маркирована по признаку контактности/неконтактности действий. Таким образом, с одной грамматической формой соотносятся несколько синонимичных значений, которые перекрещиваются со значениями другой формы. Вроде бы о категории вида в данном случае говорить неправомерно. Вполне оправданным в таком случае является рассмотрение времени деепричастий в рамках категории вида.

Вместе с тем подобные факты допускают и иную интерпретацию, исходящую из различия собственно грамматического и контекстуального в значении деепричастной формы. На этом основывается иная трактовка времени у деепричастий. Еще А. М. Пешковским подмечено, что собственными значениями деепричастий являются лишь одновременность и предшествование, остальные же временные оттенки деепричастие приобретает в известных условиях речи. Такой точки зрения придерживаются в настоящее время А. А. Камынина, А. С. Магера и др. А. А. Камынина отстаивает самостоятельность времени в деепричастиях, справедливо полагая, что зависимость времени от вида не

сводится к поглощению первого вторым. Наиболее последовательной в этом вопросе представляется позиция Л. И. Буланина, который усматривает в деепричастиях самостоятельную грамматическую категорию относительного времени. Данная категория, по мнению автора, манифестируется оппозицией двух формально выраженных значений — одновременности (-а) и предшествования (-в), ср.: *рисунок нарисован* (см.: Буланин Л. И. Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории// Спорные вопросы русского языкоznания. Теория и практика / МГУ. Л., 1983. С. 109).

Исходя из этого деепричастную форму на -а, разумеется, с известной степенью условности, можно назвать «формой одновременности», а форму на -в — «формой предшествования». Передаваемые ими значения являются собственно грамматическими. Вместе с тем первая форма может приобретать в контексте переносное значение предшествования и следования (см. примеры выше), а вторая — одновременности (*Он сидит, облокотившись на спинку стула*) и следования (*Он бросил папирус, расстоптив ее двумя ударами ноги*). Ср. устоявшуюся формулу: форма настоящего времени личного глагола выражает значение настоящего времени и т. п. Кроме того, с этими же структурными элементами (-а, -в), как отмечали З. М. Волоцкая и др., связано и образование самого деепричастия, т. е. значение «деепричастности». А. М. Пешковский утверждал, что деепричастия обладают специальной формой деепричастия. Л. И. Буланик категорически отрицает данное замечание в том смысле, что морфемы -а и -в у деепричастий являются средством выражения полупредикативной реprезентации глагола, т. е. обозначения действия как сопутствующего другому действию (Буланин Л. И. Указ. соч. С. 104, 110).

Принимая самостоятельный характер категории времени у деепричастий, З. М. Волоцкая и др. (Опыт описания

русского языка в его письменной форме. М., 1964. С. 118) используют понятие «категория временной последовательности». По нашему мнению, оно не совсем удачно. Указание на временную последовательность действий, на первый взгляд, говорит, что речь идет о значениях предшествования и следования, но никак не о значении одновременности. Между тем в действительности рассматриваемая категория предполагает значения предшествования и одновременности. Термин «категория относительного времени», предложенный Л. И. Буланиным, является в этом смысле более удачным, ибо он точнее характеризует деепричастное время, указывая на его отношение к грамматической точке отсчета — моменту совершения другого действия (ср.: категория абсолютного времени личных форм глагола). При подходе к времени деепричастия как самостоятельной грамматической категории вид естественно рассматривать в качестве своеобразной предпосылки для формирования тех или иных хронологических соотношений действия. Очевидно, что совершенный вид создает условия для выражения действий, следующих друг за другом во времени, а несовершенный — передает обычно развитие действий в плане одновременности (примеры см. выше).

Мы разделяем точку зрения, согласно которой деепричастия имеют две взаимодействующие, но в то же время самостоятельные категории единства и относительного времени. Вид представляют собой категорию классификационного типа, выражающую грамматическое противопоставление значений (целостности/нецелостности или предельности/нейтральности) на уровне отдельных лексем (см. работы Н. С. Авиловой, Л. И. Буланина, грамматику 1980 и др.). Что касается относительного времени, то оно, сироговоря, не принадлежит ни к классификационным, ни к словоизменительным категориям, а располагается, по-видимому, между ними, являясь категорией смешанного типа. С первыми

се сближает оппозиция значений одновременности и предшествования на уровне отдельных лексем (*читая* — *прочитав*), а со вторыми — наличие парадигмы у деепричастий от двувидовых глаголов типа *атаковав/атакую*, *казнив/казня*, *конфисковав/конфискуя* и др. Ср.: *Атаковал противника, отряд двинулся дальше* (временное соотношение действий: предшествование — следование, т. е. сначала атаковал, а потом двинулся дальше) и *Отряд двинулся дальше, атакуя противника* (частичное совпадение действий во времени: двинулся в один из моментов осуществления действия *атаковать*) (см.: Шагуров В. В. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении. Саранск, 1988, С. 70).

Вид и относительное время деепричастий допускают интерпретацию с позиции теории общих и частных значений, разрабатываемой главным образом на материале личных форм глагола (см., в частности, серию аспектологических работ А. В. Бондаренко). Ее применимость к деепричастиям (конечно, с известными ограничениями) объясняется уже тем фактом, что абсолютное время финитного глагола и относительное время деепричастия, в сущности, являются однорядковые. Еще А. М. Пешковский писал, что «там и тут настоящее обозначает одновременность, а прошедшее — предшествование, но там дело идет об одновременности с временем речи, а здесь об одновременности с временем главного действия. Математически это можно было бы выразить пропорцией: «время» деепричастия так относится ко «времени» глагола, как «время» глагола ко «времени» речи...» (Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении: 7-е изд. М., 1956, С. 126).

Сказанное, однако, не дает оснований для того, чтобы относительное время деепричастий квалифицировать в терминах «настоящее» и «прошедшее время» (ср. их употребление по отношению к деепричастиям в работах

Л. А. Булаховского, А. Н. Гвоздева, И. Г. Милославского). По аналогии с общими значениями временных личных форм глаголов (настоящее, прошедшее, будущее) можно выделить общие временные значения деепричастий (одновременность к предшествованию). Общее значение одновременности реализуется в основном в тех же вариантах (частных значениях), что и общее значение настоящего времени финитных глаголов, т. е. в виде конкретной (или узкой) одновременности (момента действия), расширенной одновременности и постоянной одновременности. Общее значение предшествования выступает у деепричастий в тех же вариантах, которые наблюдаются у значения прошедшего совершенного финитных глаголов, т. е. в виде аористического и перфектного частных значений. Близость категорий абсолютного времени личных форм глаголов и относительного времени деепричастий обнаруживается еще и в том, что обе они допускают транспозицию (переносное употребление) временных форм (в осмыслении А. В. Бондаренко) (примеры см. выше). Кроме того, в отдельных случаях деепричастия приобретают дополнительную абсолютную ориентацию подобно дополнительной относительной ориентации личных форм глагола. Например: *Теперь, кончила институт, он будет заниматься переводом* (лексический показатель *теперь* дополнительно соотносит действие деепричастия с моментом речи).

В заключение отметим, что исследование деепричастий в аспекте общих и частных видо-временных значений может быть связано с функционально-семантическим описанием языка. Так, если с данной точки зрения идти к «полному структурированию» языковой системы, то, например, зависимый также как одна из сфер функционально-семантического поля такого будет центрирован не конструкциями с деепричастиями совершенного и бессовершенного вида, а грамматической категорией относительного времени деепричастий (а также причастий) и раз-

лизован соответственно в виде таксис-
ных микрополей — конкретной (уз-
кой), расширенной и постоянной одно-
временности, предшествования (аори-
стического и перфектного типа) и сле-
дования (ср. их соотносительность с
текущими микрополями конкрет-
ного, расширенного, постоянного на-
стоящего). При подобном подходе
к полю таксиса оно будет обнаружи-
вать большее структурное сходство с

такими функционально-семантически-
ми полями, как аспектуальность, тем-
поральность, модальность и др., так-
же базирующимися на определенных
грамматических категориях. Не подде-
лжит сомнению тот факт, что в выраже-
ниях аспектуальных микрополей време-
но-контактного и проч. привлекают участие
не только личные формы глагола, но и
деепричастия, причастие, инфинитивы.

Архитектура и строительство

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ СЕЛЬСКОМ ЖИЛИЩЕ МССР

Б. Ф. ВАВИЛИН, кандидат исторических наук

В народном зодчестве всегда в той
или иной степени присутствуют тради-
ции, в том числе и национальные, ко-
торые в процессе его развития и совер-
шенствования постепенно изменяются
под влиянием нований, являющихся
постоянным источником их обновле-
ния. Однако и в современном сель-
ском жилище ярко проявляются ха-
рактерные черты бытового уклада
многих поколений наших предков. Жи-
лище и все, что с ним связано, — не
отъемлемая часть материальной куль-
туры любого этноса. Мордва, русские
и татары, с давних времен проживаю-
щие в нашем регионе, вписали в исто-
рию народного зодчества самобытные,
становившиеся традиционными композици-
онные решения жилища, в основе ко-
торых лежит тонкий учет местных ус-
ловий быта крестьянской семьи.

Традиционное народное жилище предстаивает собой достаточно слож-
ный комплекс взаимосвязанных эле-
ментов: жилой дом, хозяйственные по-
стройки и земельный участок, на кото-
ром они расположены. По такой схеме
до сих пор воздвигаются на селе боль-
шая часть индивидуальных усладебных
жилых домов. Строятся они без проек-
тов на основе предшествующего опыта,

строительных наработок и национально-
бытовых традиций. Жилые дома, как
правило, одноэтажные, имеют архитек-
турно-планировочное, конструктивное
решение, состав жилых и хозяйствен-
ных помещений, максимально адапти-
рованные к социально-демографиче-
ским характеристикам и бытовому ук-
ладу сельских семей. Хозяйственно-бы-
товые постройки гармонично блокиру-
ются с жилым домом, образуя, в зависи-
мости от местных условий и нацио-
нальных традиций, различные типы
застройки усадьбы — полузамкнутую,
замкнутую, сомкнутую и сплошную
(рис.).

Полузамкнутая застройка характери-
зуется наличием внутреннего полузамк-
нутого пространства двора, образован-
ного разобщенно расположенными жи-
лым домом и хозяйственными построй-
ками. При однорядной застройке они
располагаются в один ряд с жилым до-
мом, но не примыкают к нему, а обра-
зуют небольшой просвет между собой
(рис. 1.1). При Г-образной застройке
хозяйственные постройки располага-
ются под прямым углом к продольной
оси дома, также образуя просвет меж-
ду собой. Застройка в плане представ-
ляет собой подобие буквы «Г» с «отор-

ваний» перекладиной (рис. 1.2.). Двурядная застройка представляет разобщенную связь жилого дома и надворных построек, расположенных в два

ряда, параллельно другу другу (рис. 1.3.). Торцовые стены огораживаются обычно изгородью и забором с воротами.

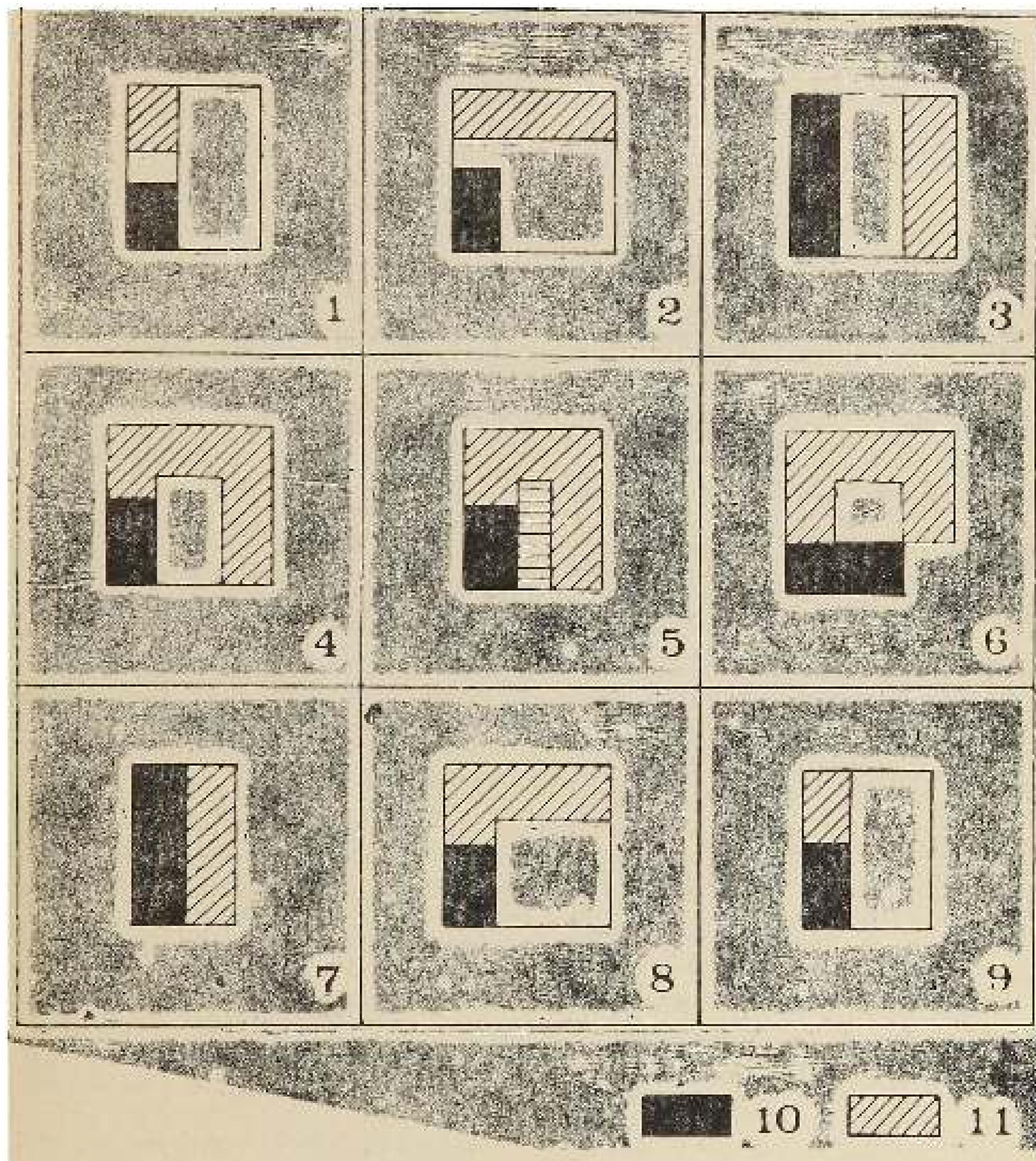

Рис. Традиционные типы застройки усадьбы. Полузакрытая: 1 — однорядная, 2 — Г-образная, 3 — двурядная; закрытая: 4 — открытая П-образная, 5 — крытая П-образная, 6 — круговая; сочлененная: 7 — двурядная; слитная: 8 — Г-образная, 9 — однорядная; 10 — жилой дом, 11 — хозяйствственные постройки.

Для замкнутой застройки характерно наличие внутреннего замкнутого пространства двора, образованного домом и примыкающими к нему надворными постройками. Название «двор», мокш. «кардас», тат. «йорт» в данном случае более применимо именно к этому пространству, нежели к надворным постройкам. Г-образная застройка встречается в двух разновидностях: открытой — с широким незакрытым двором (рис. 1.4.) и крытой — с небольшим внутренним двориком, закрывающимся на зиму плоской крышей (рис. 1.5). При круговой застройке замкнутый со всех сторон двор образуется домом и надворными постройками (рис. 1.6).

В замкнутой застройке двор и надворные постройки — одно и то же понятие, тогда как в приведенных выше типах эти понятия различны. При этом типе застройки дом и хозяйственны постройки располагаются смежно в два параллельных ряда и имеют общую или отдельные крыши (рис. 1.7).

Г-образная застройка характеризуется примыканием хозяйственных построек к тыльной стороне дома (рис. 1.8).

Слитая однородная застройка характеризуется таким расположением жилого дома и надворных построек, при котором последние примыкают к дому с задней стороны, образуя вытянутую в одну линию застройку усадьбы (рис. 1.9).

Комплексы традиционного народного жилища удачно приспособлены к специфике сельской жизни, заключающейся в постоянной связи сельских жителей с землей и ведением личного подсобного хозяйства. Эти устоявшиеся факторы и по сей день являются основными типологическими и формообразующими признаками сельского жилища, изменения внутри которых являются губительными для сельского образа жизни, существования самого сельского поселения и жизни его обитателей.

Новации в современном сельском жилище связаны с возрастанием роли общих черт в его облике, чему в нема-

лой степени способствует широкое внедрение в пластировку и застройку сельских населенных мест стандартных типовых решений, увеличение доли таких «неместных» строительных материалов, как кирпич, сборный и монолитный бетон, железобетон, асбокшифер и др. В практику сельского жилищного строительства вошли несвойственные для сельского быта много квартирные, в том числе многоэтажные, жилые дома.

Строительство одноэтажных домов в сельской местности считается неблагодарным. При этом безосновательное желание сблизить городской и сельский образ жизни, достичь всеобщего равенства привело к забвению объектной истины: быт сельских жителей нельзя сравнивать с бытом горожан. Для каждой группы населения характерны определенные образ жизни, свои этно-социальные и бытовые традиции, изменять которые нецелесообразно. Сельская семья имеет исторически сформировавшийся уклад и стандарт жизни.

Забвение реальностей крестьянского быта и увлечение многоэтажным строительством на селе обернулось в настоящее время очередным тупиком. Конечно, современные условия жизни внесли коррективы в общую композицию сельского жилища: появилось четкое функциональное деление его на две основные зоны — жилую и хозяйственную, но поиск оптимальных вариантов планировки усадебного жилого дома так и не увенчался успехом. Все попытки изменения основных принципов композиции традиционного жилища неизменно вели к отрыву сельских жителей от земли, от подворья. На наш взгляд, причиной этого является отсутствие обратной связи между проектными решениями и практикой их реализации.

Сегодня на селе игнорируются традиционные формы быта, навязывается неспонтанный сельским жителям «теоретический» бытовой уклад. В практике планировки и застройки сельских населенных мест не учитывается мнение самих жителей о том, в каких

домах они хотели бы жить. В большинстве домов, построенных по типовым проектам, затруднено ведение личного подсобного хозяйства. В них предусмотрены очень маленькие площади кухонь и других подсобных помещений, иногда отсутствуют постройки для содержания скота, птицы и хранения овощей. Если же ткацкие и имеются, то располагаются они в 200—500 м от жилых домов (так называемый санитарный разрыв).

Удаление жилого дома от подворья, недостаточное количество жилых размеров хозяйственных помещений, а иногда и полное их отсутствие — веская причина сокращения у сельских жителей поголовья скота и птицы или отказа от их содержания. Это также является следствием того, что при проектировании жилых домов для села не учитывается реальное количество семей, желающих содержать скот и

птицу в личном пользовании. Обычно эта цифра произвольно определяется самими проектировщиками. Между тем выборочный опрос семей, проживающих в типовых домах, свидетельствует о том, что большинство из них желало бы иметь в личном пользовании крупный, мелкий скот и птицу, если бы существовали более удобные условия для этого. Здесь очевидны все преимущества традиционной одноэтажной усадебной застройки, отвечающей современным потребностям сельских жителей.

Возвращение в сельскую жизнь всеми формировавшимися традициями, обновленных современным содержанием, позволит привнести в архитектуру новые черты, не противоречащие сложившемуся генетическому коду села — всей совокупности специфических признаков, устойчиво воспроизводившихся на всех этапах его развития.

БИОСТОЙКОСТЬ И БИОДЕГРАДАЦИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

В. Т. ЕРОФЕЕВ, кандидат технических наук,
М. С. ФЕЛЬДМАН, кандидат биологических наук,
В. Г. ШАРОВ, инженер

Строительные материалы и изделия в процессе эксплуатации в гидротехнических сооружениях, животноводческих и птицеводческих помещениях, предприятиях мясомолочной, сахарной, рыбной, кондитерской промышленности, санаториях, кожевенных фабриках, плавательных бассейнах, подвергаются разрушающему действию биологически активных сред. Практически все строительные материалы имеют ограниченное сопротивление биологическим воздействиям, в результате которых в материале накапливаются биоповреждения, приводящие к их деградации, нарушению работоспособности изделий.

Обследованием состояния конструкций, зданий и сооружений установлено, что долговечность полов на основе керамических плиток в животном кишечном цехах Целиноградского мясокомбината, а также в цехе варки колбас и студневарочном не превышает 2,5—3 года; цементно-бетонные панели покрытий в животноводческих зданиях разрушаются за 3—4 года; почти половина цементно-бетонных фундаментов под оборудованием на Пензенском молочном комбинате после 2 лет эксплуатации повреждены, а 10 % фундаментов разрушены [18]. При воздействии микроорганизмов возможно ухудшение эксплуатацион-

ных свойств изделий не только за счет разрушения. Установлено значительное снижение проницаемой способности трубопроводов для транспортировки жидкостей; а также снижение скорости движения судов за счет обрастаания поверхности трубопровода, корпуса судов [10].

Биоповреждения могут вызываться макро- и микроорганизмами. Более 40% общего объема биоповреждений связано с деятельностью бактерий и грибов. Бактерии развиваются при обильном содержании влаги в материале, например при погружении их в жидкость. При недостатке влаги их рост подавляется и они уступают место грибам, которые также развиваются при повышенной влажности. Ущерб, наносимый объектам в результате биоповреждений, в СССР исчисляется суммой свыше 10 млрд руб. в год, в 14 ведущих капиталистических странах он составляет многие десятки миллиардов долларов ежегодно.

В то же время следует отметить, что биологическая деградация в ряде случаев вносит позитивный вклад. Без процессов биоразрушения жизнь на Земле приобрела бы совершенно другие формы. В экологическом аспекте биодеградация представляет собой естественный процесс, который человек регулирует с помощью различных средств. Так, например, образование залежей карбонатов, серы, нефти, газа, различных руд, формирование лечебных грязей — это результат продолжительной деятельности микроорганизмов. Они принимают активное участие в разложении органических веществ в почве, от чего зависит продуктивность растений. Деятельность микроорганизмов — наиболее дешевый процесс освобождения биосфера от захламляющих ее материалов. Они очищают среду, утилизируя большое количество отходов. При этом окружающая среда освобождается от ряда ядовитых веществ, в частности пестицидов. Сведения о позитивной роли биоповреждений систематизированы в работах зарубежных и отечественных авторов [7, 11].

Степень поражаемости строительных материалов микроорганизмами зависит от их структуры, вида и свойств составляющих компонентов, водородного показателя, величины критического поверхностного напряжения материала и других факторов [6, 8]. Полимерные материалы разрушаются под воздействием микроорганизмов в результате реакций окисления, постстановления, декарбоксилирования, этерификации, гидролиза [2—5, 12, 15, 16]. Особенно сильное разрушающее действие на пластмассы оказывают органические кислоты, продуцируемые плесневыми грибами. С одной стороны, они действуют на материал как агрессивные среды, с другой, являясь кислоданным продуктом окисления углеводородов, служат источником углерода для дальнейшего развития микроорганизмов.

Микроскопические грибы выделяют ферменты, относящиеся ко всем шести классам. Из ферментов наиболее активное деструктирующее воздействие на строительные материалы оказывают оксидоредуктазы и гидrolазы. Причем производятся и выделяются в зависимости от условий среды именно те ферменты, которые в первую очередь необходимы для утилизации субстрата и поддержания внутреннего гомостаза грибов. Продуктом жизнедеятельности микроорганизмов является вода, которая, проникая в полимер, ослабляет связи между макромолекулами и ухудшает его свойства.

При воздействии биологических сред на цементные бетоны одновременно протекают различные разрушающие процессы: химические (растворение); физико-химические (разложение продуктов гидратации цемента); физические (окисление минеральных веществ ведет к выделению энергии и тем самым к термофизической коррозии); физико-механические (набухание за счет впитывания микроорганизмами влаги в 4—12 раз большее собственной массы); электрохимические (электрическая энергия, продуцируемая микроорганизмами, вызывает

электролиз и разложение водных растворов продуктов гидратации минерального вяжущего [18].

Разрушение стекла в биологически активных средах происходит в результате разрыва силоксановой связи метаболитами гриба и переноса электронов с низкопотенциальной системы (силикаты) на высокопотенциальную (микроорганизмы) [1].

Серные бетоны подвергаются биокоррозии при действии тионовых бактерий. Микроорганизмы окисляют большинство неорганических соединений серы и создают связанные с их жизнедеятельностью коррозионно-активные среды [6, 13].

Разрушение вулканизированной резины на основе натурального и искусственного каучука протекает в результате распада первичной структуры сетки эластомера и нарушения адгезионного взаимодействия эластомер — заливатель [9, 11].

Анализ работ отечественных и зарубежных авторов в области биотехнологии позволил обобщить основные методы борьбы с биоповреждениями. Они могут быть временными и постоянными действующими. К временным методам защиты строительных материалов относятся: профилактические мероприятия (проветривание помещений); физические методы обеззараживания, например различные облучения (УФ, У и др.); биотехнологические, например использование паразитизма неопасных микроорганизмов для подавления опасных (биомстод).

Эти методы применяются периодически, во время повышенной опасности возникновения биокоррозии (транспортировка или хранение при повышенной влажности в осенний или весенний сезон, а также в период сезонных колебаний в размножении, развитии и миграции живых организмов). К

постоянно действующим методам защиты от биоповреждений относятся конструктивные и некоторые профилактические мероприятия. Например, поддержание безопасного температурно-влажностного режима; внесение в состав материала методом пронитки или непосредственного смешиванияfungицидных добавок, обеззараживание fungицидами воздуха или технологических сред, восприимчивых к возникновению и размножению микроорганизмов.

Fungициды должны совмещаться с другими компонентами строительного материала, длительное время защищать материал, быть безопасными для людей и полезных животных и в токсической концентрации не накапливаться в окружающей среде, т. е. обладать низкой экологической нагрузкой. Они должны быть стойкими к воздействию тепла и света, химически стабильными, растворимыми в воде, стойкими к выщелачиванию, не усложняющими технологию производства материалов и изделий из них [10].

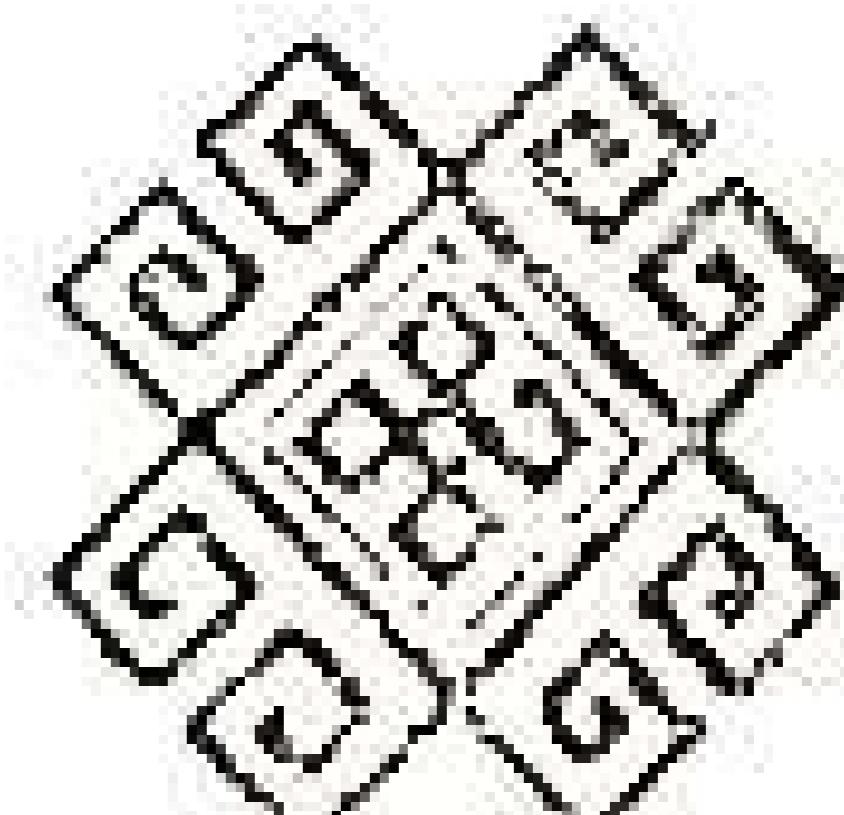
Чтобы правильно и эффективно применять те или иные методы защиты, необходимо знать видовой состав специфических возбудителей биоповреждений в различных условиях эксплуатации. Существуют различные методы обнаружения и выделения микроорганизмов с поверхности материалов: механические, биологические, химические и физические [17]. Качественное выполнение работ по созданию композиционных материалов, их защита от биоповреждений, управление процессами деструкции и утилизации требуют особой подготовки в области материаловедения, биологии, химии, физики. Поэтому считается, что для решения этих задач необходимо готовить специалистов по биотехнологии и деградации строительных материалов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреак Е. И., Билаб В. И., Кошаль Э. З., Козлова Н. А. Микробная коррозия и ее возбудители. Киса: Наук. думка, 1980. 288 с.
2. Анищенко А. А., Семицева А. С., Александров Ж. Ф. и др. Биологические аспекты проблемы защиты проектируемых материалов от биоповреждений микроорганизмами: (Обзор) // Актуальные проблемы биоповреждений. М., 1983. С. 77 — 101.
3. Анищенко А. А., Смирнов В. Ф., Федор-

- мок М. С. Биологическая коррозия некоторых полимерных материалов и защита от нее: (Обзор) // Противокоррозионная защита материалов. Горький, 1983. С. 26 — 38.
4. Аксенов А. А., Фельдман М. С., Александров И. Ф. Справительное исследование противомикробной активности микромицетов, вызывающих разрушение промышленных материалов // Микробиология и фитопатология. 1988. Т. 22, выпуск 1. С. 44 — 50.
5. Аксенов А. А., Фельдман М. С. Высокая Л. Б. Ферменты жизнедеятельных грибов как агрессивные метаболиты // Вспомогательная в промышленности: Межвуз. тезис. сб. науч. тр. / ГГУ. Горький, 1988. С. 3 — 19.
6. Биоразрушение строительных композиционных материалов / Селяев В. П., Соловьев В. И., Ерофеев В. Т. и др.: Мордов. ун-т. Саранск, 1990. 36 с.
7. Биотехнология. Принципы и приложения. Пер. с англ. / Под ред. И. Хиггинса, Д. Беста и Дж. Джонса. М.: Мир, 1988. 480 с.
8. Ерофеев В. Т., Еттель В. Н., Веселов А. П. Биопротивление каркасных полимербетонов // Структурообразование, технология и свойства композиционных строительных материалов и конструкций / Мордов. ун-т. Саранск, 1990. С. 9 — 12.
9. Защита от коррозии, старения и биоразрушений машин, оборудования и сооружений: Справочник: В 2 т. / Под ред. А. А. Герасименко. М.: Машиностроение, 1987. 688 с.
10. Ильин В. Д., Бочаров Б. В., Горленко М. В. Экологические основы защиты от биоразрушений. М.: Наука, 1983. 262 с.
11. Качевская И. Г. Биологическое повреждение промышленных материалов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 230 с.
12. Колесов А. А. Ферментативная разработка полимеров. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 216 с.
13. Орловский Ю. И., Ивашкевич Б. М., Юрьев Е. В. Биокоррозия серных бетонов // Бетон и железобетон. 1989. № 4. С. 45 — 46.
14. Промышленная микробиология: Учеб. пособие для вузов по спец. «Микробиология» к «Биологии» / З. А. Аркадьев, А. М. Безбородов, Н. Н. Блохина и др.; Под ред. Н. С. Егорова. М.: Выш. шк., 1989. 688 с.
15. Соломатин В. И., Селдев В. П., Ерофеев В. Т. и др. Биосопротивление композиционных строительных материалов // Структурообразование, технология и свойства композиционных строительных материалов и конструкций / Мордов. ун-т. Саранск, 1990. С. 4 — 6.
16. Фельдман М. С., Александрова И. Ф., Левентьев А. И. Исследование оксидоредуктаз и гидролаз плесневых грибов в связи с их биоразрушающим действием // Биохимия и биофизика микроорганизмов. Горький, 1983. С. 3 — 11.
17. Фельдман М. С., Смирнов В. Ф., Веселов А. П. К вопросу об идентификации микромицетов-тиофиллов // Выделение, идентификация и хранение микромицетов и других организмов. Вильнюс, 1990. С. 36 — 40.
18. Чубко А. В. Органическая коррозия. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. 238 с.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ МОРДОВИИ

ВОРОНИН Иван Дмитриевич (16.(28).09.05, г. Саранск — 29.05.83, там же) — рус. сов. литературовед, писатель, ученый-краевед, общественный деятель. Член Союза писателей СССР (с 1940), канд. филол. наук (с 1942), засл. работник культуры МАССР (с 1960) и РСФСР (с 1975), проф. Мордов. ун-та (с 1965). Почетный гражданин г. Саранска. Автор более 300 печатных работ. Род. в семье городского крестьянина. С 1927 по 1929 служил в Красной Армии. В 1938 экс-

терном с отличием окончил ф-т рус. яз. и лит. Мордов. гос. пед. ин-та, назначен преподавателем в том же ин-те. В первые дни ВОВ ушел на фронт, служил в ж.-д. батальоне. В июне 1942 в Москве состоялась защита канд. дис. С 1942 по 1946 В. — старший инструктор по печати политотдела ж.-д. войск СССР. В 1946 возвратился в Саранск, где с 1946 по 1951 руководил сектором истории Науч.-исслед. ин-та яз., лит. и истории при Совете Министров МАССР, одновременно членом редколлегии журнала «Советская Мордовия».

тал курс сов. лит. в обл. парт. школе и в пед. ин-те, редактировал альманах «Лит. Мордовия». В 1950 награжден орденом Трудового Красного Знамени. С 1951 по 1959 — предсвдатель правления Союза писателей Мордовии, преподаватель Мордов. пед. ин-та. В 1957 перешел на осн. работу в открывшийся в Саранске Мордов. ун-т, где с 1961 по 1970 возглавлял кафедру рус. и зарубеж. лит., а затем был профессором-консультантом. Во 2-й пол. 30-х гг. сложилось преобладающ. направление его науч. поисков — история и культура родного края, судьба поэта-демократа А. И. Полежаева. В 1940 увидела свет первая книга В. «Новые данные о Полежаеве», в 1941 вышла монография «А. И. Полежаев. Жизнь и творчество». В 1954 эта книга в перераб. виде выпущена в Москве под назв. «А. Полежаев. Критико-биографический очерк» и дважды (1954 и 1979) переизд. в Саранске. В 1951 вышла книга В. «Литературные деятели и

литературные места в Мордовии» (переизд. в 1976). Первым обстоятельным краеведч. исслед. о столице Мордовии стала монография В. «Саранск. Историко-документальные очерки» (1961). Энциклопедией мордов. края явл. книга В. «Достопримечательности Мордовии. Природные, исторические, культурные» (1967 и 1982). К 150-летию акад. живописи И. К. Макарова В. подготовил книгу «Саранская живописная школа» (1972). Наряду с крупным литературоведч. и краеведч. трудами перу В. принадлежит более 100 ист.-докум. очерков о городах и памятниках культуры Мордовии, историч. личностях. Благодаря изысканиям В. наиболее значит. из памятных мест Саранска отмечены мемориальными досками. В последние годы жизни В. работал над материалами для задуманных им книг о связях Пушкина с мордов. краем, о саранских друзьях Герцена, о саранском торге 2-й пол. XVII в.

Соч.: Новые данные о Полежаеве / Под ред. А. Бихтера. Саранск, 1940; А. И. Полежаев: Жизнь и творчество. Саранск, 1941; Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск, 1951 и 1976; Полежаев: Критико-биограф. очерк. М., 1954; Очерки и статьи. Саранск, 1957; Воронин И., Остроумов В., Челмакин И. Саранск — столица Мордовской АССР; Ист.-докум. очерки. Саранск, 1961; Достопримечательности Мордовии. Саранск, 1967 и 1982; Саранская живописная школа. Саранск, 1972; А. И. Полежаев. Жизнь и творчество. Саранск, 1979; Пушкин и Мордовия // Лит. Мордовия.

Лит.: Забавина В. Педагог, исследователь // Сов. Мордовия. 1965. 16 сент.; Черапкин Н. Ученый, писатель, педагог: К 60-летию со дня рождения И. Д. Воронина // Сятко. 1965. № 5; Васильев Л. Г. С любовью к родному

1950. № 3. С. 253 — 260; Насущные задачи мордовской литературы // Лит. Мордовия. 1952. 5 (9). С. 314 — 332; Поездка Л. Н. Толстого и его пребывание в Саранске // Молодой ленинец. 1953. 6 сент.; Мордовская литература на пути роста // Лит. Мордовия. 1955. № 9. С. 3 — 39; «Колокол» на мордовской земле // Сов. Мордовия. 1962. 6 апр.; О национальном восприятии природы: В произведениях писателей Мордовии // Сов. Мордовия. 1963. 6 апр.; Огаревские места в Мордовии // Из истории русской и зарубежной литературы. Саранск, 1964. С. 3—9.

краю: О научной, литературной и общественной деятельности И. Д. Воронина. Саранск, 1976; Васильев Л. Г. Поздолгу светилося его окно... // Штрихи к портретам. Саранск, 1990.

Р. П. ВАСИЛЬЕВА

* * *

ВУЛЬГАРНЫЙ СОЦИОЛОГИЗМ в литературоведении — система взглядов, вытекающая из одностороннего (вульгарного) истолкования марксист. положения о классовой обусловленности идеологии и приводящая к упрощению и схематизации ист.-лит. процесса. Осн. черты В. С.: установление зависимости лит. творч. от соц.-эконом. отношений, от классовой принадлежности писателя; понимание худож. творч. не как субъективного отражения объективного мира, а как пассивной фиксации действительности, стремления прямо-линейно раскрыть в лит. образах общие полит.-эконом. категории, отражающие содержание и цели худож. лит. с содержанием и целями обществ. наук, объяснять особенности строения фразы, метафоры и т. п. соц.-экон. факторами. В лит. соф. периода В. С. возник в 20-х гг., чему способств. антидемократическая обществ.-полит. обстановка. В период становления мордов. лит. критика и литературове-

дение подверглись влиянию В. С. Показательна в этом отношении вступительная статья первого мордов. критика А. Дуняшина к сб. «Васень сятка» («Первые искры») под назв. «Сяткна яла кирвазить» («Искры разгораются»). Изв. писатель П. С. Кириллов в статье «Формализмантъ каршо» («Против формализма» — «Эрзянъ коммуна», 1932, 2 марта) многих мордов. писателей провозглашает формалистами лишь на том основании, что они увлекались использованием междометий и звукоподражаний. Не имея объективной почвы, В. С. в мордов. лит. критике дальнейшего развития не получил, но некоторые его тенденции сказывались в мордов. критике, литературоведении и худож. лит. вплоть до 80-х гг. Следствием влияния В. С. в совр. мордов. лит. явл. преобладающая социальная и идеологич. содержательность, господство классовой сущности жизненных явлений и человеческих характеров.

Лит.: Розенталь М. Против вульгарной социологии в литературоведении. М., 1936; Фадеев А. Литература и жизнь // За 30 лет. 2-е изд. М., 1959; Колганов И. Я. Формирование мордовского литературоведения и критики (1917 — 1956): Дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1979; Развитие мордовской критики и литературоведения // История мордовской советской литературы. Саранск, 1989.

Саранск, 1971. Т. 2. С. 369 — 388; Мордовская литературная критика и литературоведение // История мордовской литературы: Учеб. для филол. ф-тса. Саранск, 1981. С. 361 — 375; Алешикин А. В. Реальности ускоренного развития и эстетический потенциал мордовской литературы // Аспект—1989: Исслед. по мордов. лит. Саранск, 1989. С. 4 — 17. (Тр.; Вып. 96).

Р. П. ВАСИЛЬЕВА

* * *

МОРДОВСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА им. А. С. ПУШКИНА — находится в г. Саранске; крупнейшее идеолог., информ., культурно-просвет. и науч.-метод. учреж-

дение республики. Открыта 14 сентября 1899 по инициативе местной интелигенции и членов Саран. городской думы в ознаменование 100-летия А. С. Пушкина как бесплатная библио-

тека-читальня. Первым общ. директ. ром. была местная учительница Е. Л. Токарева. К моменту открытия в Б. было всего 353 книги. Существовала на средства, полученные от благотворит. концертов, лотерей, частных пожертвований, процентов от кн. торговли. При Б. функционировал магазин учеб. лит. В 1909 в Б. было уже 910 читателей, кот. выдано 11 950 книг. В 1918 она сливалась с платной Публичной библиотекой г. Саранска (осн. в 1893), включается в гос. сеть библиотек. В 1921 становится Центральной

библиотекой Саранского уезда, с 1932 — областной, а с 1935 — республиканской. Сегодня фонд Б. насчитывает около 1,3 млн. документов. Ежегодно поступает около 60 тыс. ед. хранения, среди них около 1 000 назв. журналов, около 50 назв. газет. Мордов. издания представлены полностью. Ежегодно Б. обслуживает 28 тыс. читателей всех категорий; работает межбиблиотечный абонемент. С 1959 издается «Летопись печати Мордовской АССР». Б. ведет орг.-методич. работу по руководству биол. делом.

Изд.: Летопись печати Мордовской АССР: Гос. библкогр. указ. (1959 — 1983). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959 — 1987 (ежегодник); Летопись о Мордовской АССР: Указ. лит. 1952 — 1971; Александр Иванович Полежаев: Краткий реком. указ. лит. Саранск, 1954; Сычков Федот Васильевич. Библиогр. указ. Саранск, 1955; Талантливый писатель Мордовии Петр Семенович Кириллов: Памятка. Саранск, 1956; История Мордовии в художественной

литературе: Беседа о книгах. Саранск, 1956. М. Е. Евсевьев — ученый и педагог мордовского народа: Рек. указ. Саранск, 1958; Детская литература Мордовии: Указ. лит. Саранск, 1965; Писатели Советской Мордовии: Библиогр. справочник. Саранск, 1970; Инженеров И. К. — ученый, педагог, писатель: Библиогр. указ. Саранск, 1987; Николай Лазаревич Иркаев (Никул Эркай): Библиогр. указ. Саранск, 1988.

Лит.: Крупнейшая в Мордовии // Библиотекарь. 1981. № 3; Фролов Ю. Имени великого поэта (К истории библиотеки) // Сов. Мордовия. 1981. 13 июня; Жолопова В. Библиотека в годы во-

енные // И в тылу ковалась победа. Саранск, 1983. С. 161 — 164; Борискина Р. На родном языке (Пропаганда краевед. лит.) // Библиотекарь. 1966. № 6.

С. Г. ДЕВЯТКИН

ШАХМАТОВ Алексей Александрович (05.06.1864, Нарва — 16.08.1920, Петроград) — выдающ. рус. ученый, филолог и историк. Окончил ист.-филол. ф-т Моск. ун-та (1887). С 1890 — privat-dozent. В этом же году оставляет ун-т и в течение 3 лет исполняет должность земского начальника в одном из уездов Сарат. губ. Подготовил магистерскую дис., за кот. ему присуждается докторская степень (1894). Избира-

ется адъюнктом (1894), экстраординарным (1897) и ординарным (1898) академиком Петерб. АН, с 1906 — председатель Отд-ния рус. яз. и словесн. Действ. член Сербской АН (1904), чл.-кор. Krakowskoy AН (1910), почетный доктор Пражского (1908) и Берлинского (1910) ун-тов. Начало исслед. деят-сти связано с вниманием к историч. судьбам рус. яз. и рус. народа («К вопросу об образовании русских

нёречий и народностей», 1899; «Древнейшие судьбы русского племени», 1919). Это обусловило обращение Ш. к проблемам финно-угор. яз. и истории самих финно-угров, на протяжении многих веков соседствовавших с русскими. Закономерным результатом изысканий Ш. в области мордовских языков и фольклора стала публикация «Мордовского этнографического сборника» (1910), материалы для кот. были собраны в с. Оркино и Сухой Кэрбулач Сарат. губ. Его материалы послужили источником для исследований мордов. стихосложения и песенной метрики в

работах Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона. Очерк звуковых и мифологич. особенностей двух мордов. говоров, предложенный Ш. в «Мордовском этнографическом сборнике», стал первым рус. описанием эзя-мордов. яз., воспроизведенного с достаточной адекватностью. С 1908 по 1916 поддерживал научные и личные контакты с М. Е. Евсеевым. В 1915 Ш. составляет «Отзыв о работах М. Е. Евсеева» для Российского Императ. геогр. с-ва, где дает высокую оценку исслед. деятельности мордов. педагога-просветителя и этнографа.

Соч.: Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910; Отзыв о работах

Лит.: Зеленин Д. К. Саратовская мордва // Живая старина. 1910. Кн. 76, вып. 4. С. 305 — 312; Известия ОРЯС. 1922. Т. 25 (посвящен памяти А. А. Шахматова, опубликован список его печатных трудов); Виноградов В. В. А. А. Шахматов. Пг., 1922; А. А. Шахматов. 1854 — 1920: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1947; Письма М. Е. Евсеева академику А. А. Шахматову /

М. Е. Евсеева // Отчет РГО за 1915 год. Пг., 1916. С. 72 — 74.

Публ. В. Базубова // Лит. Мордовия. 1958. № 15. С. 95 — 116; Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков (Ранний период). М., 1976; Макаров В. И. А. А. Шахматов. М., 1981.

Архив: Научный архив АН СССР, ф. 134 (фонд А. А. Шахматова).

В. П. КИРЖАЕВА

* * *

*

САРАНСКОЕ ГОРОДСКОЕ ЧЕТЫРЕХКЛАССНОЕ МУЖСКОЕ УЧИЛИЩЕ открыто в 1873 на базе Саран. уезд. уч-ща с преподаванием ремесел. Главной целью являлось «доставление детям всех сословий начального умственного и религиозно-нравственного образования». Г. У. состояло в ведении попечителя Харьк. учеб. округа. Заведовал Г. У. инспектор. Уч-ще содержалось на сменочные средства: казны, города и земства. Расходы составляли 1413 руб. ежегодно. В Г. У. обучались мальчики — дети город. и уезд. жителей. В 1888 число учеников сост. 167 чел., в 1904 — 217. Располагалось уч-ще на углу ул. Московской (ныне Л. Толстого) и 2-й Покровской (ныне Коммунистическая) в каменном двух-

этажном доме. Полный курс обучения в Г. У. составлял шесть лет. Курс первых двух классов продолжался по два года, третьего и четвертого — по одному. В уч-ще преподавались Закон Божий, чтение и письмо, рус. яз. и церк.-славян. чтение с переводом на рус. яз., арифметика, практическая геометрия, география и история отечества, сведения из естеств. истории и физики, черчение и рисование, пение. Почетный смотритель Г. У. избирался инспектором народных уч-щ на три года. Учителями могли быть лица, окончившие полный курс в учит. ин-тах или выдержавшие в них полное испытание. В 1901/02 уч. году почетным смотрителем Саран. Г. У. был губерн. секретарь Е. Н. Кикин, заведовал Г. У. уч-

тель-инспектор, надворный советник И. З. Карабаровский, законоучителем числился священник А. А. Орловский, учителем рус. яз. — С. М. Сафонов, арифметики — надвор. советник И. Ф. Цыценко; истории и географии — А. Г. Кочкин; пения — П. П. Безаубов; музыки — А. И. Калистов. Известный краевед стат. советник Г. П. Петерсон состоял при уч-ще врачом. Дети не моложе 7 и до 10 лет всех званий, состояний и вероисповеданий принимались без приемного испытания, от 10 до 14 лет должны были знать при поступлении молитву господню, важней-

Лит.: СЭС. М., 1990. С. 329; ЦГА МССР, ф. 55, оп. 1, д. 25, л. 65; Отчет Саранской городской управы за 1888, 1889,

шие события из священной истории ветхого и нового завета, уметь читать и писать по-русски, а также считать. Дети 10—13 лет, успешно прошедшие четырехгодич. курс, могли без испытания поступать в первый класс гимназий и реальных уч-щ. По оконч. полного курса Г. У. выпускникам выдавался аттестат. За обучение в Г. У. взималась плата, размер кот. определял инспектор уч-ща в зависимости от благосостояния семей. Дети особо бедных родителей от платы освобождались. В 1912 Г. У. было преобразовано в высшее начальное муж. уч-ще.

1891, 1898, 1899, 1902, 1904 гг. Саранск, тип. Сыромятниковых; Воронин И. Д. Саранск, 1961. С. 110.

В. И. ЛАПТУН

• • •

ЦЕРКОВНО ПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ г. САРАНСКА. До рев. 1917 в г. Саранске насчитывалось три одноклассные Ц.П.Ш. — Троицкая, Казанская и Трехсвятительская. Открывались приходскими священниками на средства прихода, получали ежегодное пособие из городских средств в размере 150 руб. Главным назначением было утверждение православия и христианской нравственности, сообщ. первонач. знаний. Первой в 1887 была открыта Ц.П.Ш. при Троицкой церкви. В ней обучались как мальчики, так и девочки. Курс обучения первоначально был двухгодичным, а в начале ХХ в. стал трехгодичным. В 1888 обучалось 30 чел., в 1891—50 чел. В середине 90-х гг. открыта Казанская Ц.П.Ш. В 1898 общее кол-во уч-ся в обеих школах составляло 100 чел. Предположительно в ХХ в. открылась третья Ц.П.Ш. — Трехсвятительская. От первых двух она отличалась тем, что курс обучения в ней составлял четыре года. В Ц.П.Ш. преподавались Закон Божий, церковное пение, чтение церковной и гражданской печа-

ти и письмо; начальные арифм. сведения. В 1902 общее кол-во учащихся в Ц.П.Ш. составляло 120 чел.; в 1904 — 191, в 1912 — 170, в 1914 — 203 чел. Высшее управление принадлежало Св. Синоду. Заведование Ц.П.Ш. возлагалось на приходских священников или же на лиц, назнач. епарх. архиереем. Ему же принадлежало и общее заведование ими в епархии и попечение об их благоустройстве. Обучение производили местные священники или другие члены причта, а также утвержденные епарх. архиереем учителя. В 1907/08 уч. году законоучителем Троицкой Ц.П.Ш. числился священник Алексей Петр. Геликонов, в учительницей — Раиса Мих. Кочетова; законоучителем Казан. школы был свящ. Александр Ив. Любимов, учительницей — Вера Конст. Пульхритудова; законоучителем Трехсвятит. школы — протоиерей Михаил Алексеевич Прелатов, учительницами — Пелагея Вас. Кузнецова и Екатерина Алексеевна Геликонова. В 1903 — 04 при Казан. церкви была открыта жен. воскр. школа, число уче-

ниц составляло 40 чел. Казан. школа была закрыта 23 авг. 1917, после рев.

упразднены Троицк. и Трехсвятит.
Ц. П. Ш.

Лит.: Отчет о действиях Саранской го-
родской управы за 1888 год. Казань,
1889. С. 7 — 8; Отчет Саранской го-
родской управы за 1902, 1904, 1912 и
1914 гг. Саранск, тип. Сыромятнико-

ых; Церковно-приходские школы //
СЭС. М., 1990. С. 1490; Правила о цер-
ковно-приходских школах / Пенз.
епарх, ведомости. 1884. № 16.

В. И. ЛАПТУН

* * *

МОЖАРОВСКИЙ Аполлон Федорович
(1841 — 22.10(3.11). 1900, Н. Новгород),
рус. священник, этнограф, историк Ка-
зан. и Нижегород. края. По окончании
Казан. дух. уч-ща и семинарии учился
в дух. академии (1862—66). Затем вел
миссионерскую деятельность в Казан.
епарх. С 1867 помощник ректора Ка-
зан. дух. семинарии. С 1873 в теч.
27 лет преподаватель Нижегород. дух.
семинарии, изучает историю и этногра-
фию, миссионерское дело в Поволжье.
В 1878 избран действ. чл. О-ва архео-
логии, истории и этнографии при Ка-
зан. ун-те. За книгу «Изложение хода
миссионерского дела по просвещению
христианством казан. инородцев с

1852 по 1867 г.» (1880) присуждено
звание магистра богословия. Член Ни-
жегород. губ. ерх. комиссии, губ. стат.
комитета и др. Большое внимание уде-
лял изучению истории христианизации
и языч. верований мордовы, истории
мордов. поселений и приходов, прос-
вещения нижегород. мордовы, Терю-
шевского восстания и др., одним из
первых изучил хранившуюся в библио-
теке Нижегород. семинарии рукопись
пятиязычного словаря, сост. еписко-
пом И. Дамаскиным (Рудневым) (1785);
кот. содержал мордов. лексику, дал
его описание. Данные, собранные М.,
активно используются современными
исследователями.

Соч.: Инородцы-христиане Казан.
епархии // Рук-во для сел. пастырей.
1864. № 22; Из истории просвещения
нижегород. мордовы // Нижегород.
губ. вед. 1880. № 37 — 38; История об-
разования Осинского прихода Сергач.
у. Нижегород. епархии // Нижегород.
епарх. вед. 1890. № 3; Рукописный пя-
тиязычный словарь в Нижегородской
семинарской библиотеке и его проис-
хождение // Рус. старина, Т. 23. Спб.,
1878, 12; Версания, молитвенные при-
зываия к обряды чувашей и отчасти
мордовы Нижегородской епархии по

сообщению преосв. Домаскина Екате-
рине II // Моск. церковн. вед. 1880.
№ 5; Мордов. село Какино Сергач. у.
Нижегород. епархии // Нижегород.
епарх. вед. 1890. № 23 — 24; Березов-
ский мордовско-крещенский приход
Сергач. у. Нижегород. епархии // Там
же. 1891. № 1; Терюшевское действие
1743 // Нижегород. губ. вед. 1892.
№ 1 — 2; Русско-мордовы на нижегород.
почве // Там же. 1893. № 36; Заметка о
нижегород. мордве // Там же. 1896.
№ 23; Старая Казанская академия. М.,
1877.

Лит.: А. Ф. Можаровский: (Некро-
лог) // Нижегород. епарх. вед. 1900.
№ 21; Энциклопедия А. П. Русско-мор-
довский словарь. Из истории отечест-

венной лексикографии. М., 1971; Мок-
шин Н. Ф. Мордовский этнос. Саранск,
1989.

Е. Г. ОСОВСКИЙ

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МОРДОВСКОМ КРАЕ. Дореволюц. период. В древнейшие времена воспитание детей у мордов. племен опиралось на традиции, языческие верования, уст. нар. творч. По мере заселения мордов. края славян. и др. племенами шел процесс взаимообогащения традиций воспитания и культуры. Особое влияние на процессы просвещения оказало крещение мордвы. В результате вековых миграций расселение мордвы стало смешанным, что предопределило особенности просветительского процесса. С конца XVI — нач. XVII в. при монастырях на территории края (Свияжском, Чебоксарском, Серовском, Спасо-Преображенском и др.) создавались для христианского просвещ. и обучения детей-инородцев, в т. ч. мордвы, монастырские школы, а для подготовки проповедников — новокрещен. школы. В Зилантовом монастыре обучались мордов. дети. С сер. XVII в. они направлялись (по 3 чел. ежегодно) в Нижегород. дух. семинарию. Обучение мордов. яз. в конце XVIII — нач. XIX в. велось в Нижегород., Казан., Тамбов. дух. семинариях, осуществлялись переводы вероучит. книг (с 1804) на основе рус. графики. Под рук. нижегород. епископа И. Дамаскина составлен пятиязыч. словарь на рус. нар. Поволжья (1787). В семинариях создавались мордов. грамматики, рус.-мордов. и мордов.-рус. словари (1). П. Орнатов, 1804, и др.). После учреждения в Казани Гереводч. комиссии Правосл. миссионерск. о-ва при братстве св. Гурия было опубликовано ок. 30 наименований учебной, вероучит. и богослужеб. лит. на мордов. яз., образцов нар. словесности (1876—1915), использовавшихся в школьн. обучении. Одновременно это способствовало становлению мордов. лит.-письм. языков и распространению грамотности. Первыми уч. заведениями в крае стали дух. семинарии в Саранске и Алатыре (1778—1803). В 1787 в Саранске

открылось светское малое нар. уч-ще (в 1807 преобр. в уездное). В 1808—18 при Петрапавл. монастыре действовало дух. уч-ще, «рус. школа». В имениях и вотчинах создавались домашние и вотчинные школы, нередко для крепостных детей. В 30—40-е гг. XIX в. открывались удельные (приказные) уч-ща для религ.-нравств. воспитания детей удельных крестьян (Лобаски, Шугурово, 1835; Атяшево, 1842, и др.), волостные уч-ща для подготовки детей казенных крестьян к писарскому делу (Ардатов, 1841; Козловка, 1842, и др.). По Уставу 1828 были созданы одногодич. приход. уч-ща (Селищи, 1834; Адашево, 1836; Шишкеево, 1839, и др.). Расширялись различные типы частных школ: Саран. живописная школа К. А. Макарова (1828—52), домашние школы грамотности (Пятна, 1825, и др.). К нач. 60-х гг. насчитывалось ок. 80 школ. Расширению системы образования содействовали И. Н. Ульянов, В. Х. Хохряков, И. В. Ишерский, А. Э. Стрижиновский, А. А. Красев, П. П. Масловский и др. Возникла сеть министерских, земских, церк.-приход. уч-щ, школ грамоты, двухклассных уч-щ повыш. типа (В. Сырец, Троицк и др.); в 900-е гг. — гор. четырехгодич. (Саранск, Краснослободск, Темников), высш. нач. уч-ща и др. С конца XIX в. возникли новые типы учеб. завед., подведомств. Св. Синоду: дух. семинарии в губ. городах, жен. спарх. уч-ща, школы грамоты. После принятия «Правил о мерах к образованию инородцев» (1870) стали открываться школы для мордва. детей. В 90-е гг. в Пенз. губ. было 38, в Тамб. — 13, Симбир. — ок. 20 таких школ. Мордов. нач. уч-ща имелось при Казан. учит. семинарии. Братство св. Гурия открыло братскую школу для мордвы в с. Базарный Юрткуль Спасского у. Самар. губ. с 32 уч-ся (1891). Ох. 30 уч-ся из мордвы обучались в др. братских школах. Всего в 1894 на тер. Мордовии имелась

391 нач. школа. В них обучалось 12% мордов. детей. В среднем одна школа приходилась на 4—5 тыс. жителей. В начале XX в. процесс вовлечения мордов. детей в нач. школу усилился. По данным шк. переписи 1911, на тер. Моск., Казан., Харьк. и Оренбург. уч. округов в школах Мин-ва нар. просвещ. обучалось 20 064 уч-ся из мордвы, в школах Ведомства правосл. исповедания 14 421 чел. Имелось ок. 50 земских и министерских мордов. (или рус.-мордов.) уч-щ. В 1875 в Краснослобод. у. имелось 18 медресе и 10 мектебов. На 1 янв. 1894 г. в Краснослобод., Инсарск. и Саран. у. насчитывалась 61 магометанская школа с 1407 уч-ся. Важную роль в просвещ. мордов. народа сыграли нац. просветители и педагоги А. Ф. Юртов и М. Е. Евсеевьев, кот. усовершенств. мордов. письменность, создали первые учеб. пособия для мордов. школы: буквари (1884, 1892), первонач. учебники рус. яз. (1892), литературу для чтения. Учеб. пособия по родному и рус. яз. для мордвы составили Н. П. Барсов, П. П. Масловский, Ф. Кечин, Н. Д. Гаврилов и др. Однако преподавание на мордов. яз. не получило широкого распростран. из-за недостатка учителей, знающих язык, смешанного характера школ, недостатка учеб. лит. и методич. пособий. Подготовка учите-

лей для школ края велась в Казан., Пенз., Порецк., Саран., Инсарск. и др. семинариях, во второклассных учит. школах (Сивинь, Иса, Ст. Михайловка, Лукоянов и др.), жен. епарх. уч-щах (Пенза, Уфа, Н. Новгород и др.), пед. классах при жен. гимназиях. Для учительства организовывались летние пед. курсы, учит. съезды, открывались учит. библиотеки (Инсар, Саранск, Краснослободск, Наровчат). В Казан. инородч. учит. семинарии было подготовлено ок. 160 учителей из мордвы. С конца XIX в. стали открываться проф. уч. завед.: Сабур-Мачкас. ремесл. уч-ще (1883), Большеберезн. уч.-показат. мастерская (1899), Обручинск. с.-х. низшая школа (1896), Темниковск. кружевная школа (1907), Саранск. ремесл. школа (1916), ремесл. отд-ния и классы ручного труда и рукоделия при сельских и городских уч-щах. При нач. нар. уч-щах действовали вечерние и воскресные повторные курсы для взрослых (Сиал. Пятина, Шишкеево, Кочелаево и др.). К 1917 в крае действовало более 850 уч. завед., в т. ч. 11 гимназий, реальных уч-щ., учит. семинарий, 10 прогимназий, высших нач. уч-щ., св. 30 ремесл. и с.-х. школ с охватом более 60 тыс. уч-ся. Управление просвещ. в крае осуществлялось Казан., Оренбург. и Харьк. учеб. округами.

Лит.: Суперанский М. Начальная народная школа в Симбирской губернии. Симбирск, 1906; Залесский В. Ф. К истории просвещения инородцев Казанского края. Казань, 1911; 25-летняя деятельность Пензенского земства (1865—1889). Пенза, 1894; Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 г. М., 1880; Его же. Из истории просвещения нижегородской мордовы (в XVIII в.) // Нижегород. губ. вед. 1880. № 37—38; Известен всей России. И. Н. Ульянов: Статьи, документы, материалы, воспоминания. Саратов, 1974; Ульянов Г.

Об условиях просвещения мордвы до Октябрьской революции // Просв. национальностей. 1933. № 4; Эфиров А. Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. М., 1948; Просветители и педагоги Мордовского края. Саранск, 1986; Талдин Н. В. Очерки истории мордовской школы. Саранск, 1956; Осовский Е. Г. Очаг просвещения мордовского народа // Солнечный край. Саранск, 1979; Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1965. Т. 1; Фактистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. М., 1976.

Е. Г. ОСОВСКИЙ

* * *

НИКОЛЬСКИЙ Николай Васильевич (07(19).05.1878, д. Юрмокейкино Ядринск, у. Казан. губ. (ныне Моргаушск, р-на Чувашия ССР) — 02.11.1961, Казань), чувашский ученый, педагог, этнограф, филолог, фольклорист. По окончании Шуматовской замеск. уч-ща поступил в Казан. дух. семинарию. В 1899—1903 учился в Казан. дух. академии, кандидат богословия (1903). Вольнослушателем окончил Казан. ун-т (1903), затем работал на миссионерск. курсах для учителей. В 1906—10 Н. преподаватель истории Казан. учит. семинарии. Отстранен от работы в связи со студенческими волнениями. Был близок с М. Е. Езевьевым. В 1911—15 заведовал кафедрой этнографии и языка татар, казахов, башкир, чуваший, марий, удмуртов и мордвы и истории распространения христианства среди них в Казан. дух. академии. С 1915 приват-доцент Казан. ун-та по курсу истории христиан. просвещ. инородцев Поволжья. Сотрудничал с братством св. Гурия (1903—17), член его совета, Переводч. комиссии Презосл. миссионерск. о-ва и Казан. уч. округа (1907—10). Действит. член О-ва археологии,

Соч.: Родной язык как орудие просвещения инородцев. Казань, 1904; Переводческая комиссия в Казани и ее просветительская деятельность среди инородцев. Казань, 1905; Быт и верования мордвы Симбирской губернии в 1783: (Из записок уездн. землемера Мильковича). Тамбов, 1905; Программа для собирания сведений об инородцах Поволжья // Изв. САИЭ. Казань, 1916. Т. 29, вып. 4. Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама. Ка-

Лит.: **Димитриев В. Д.** Видный историк, этнограф, филолог // Сов. Чувашия. 1978. 18 мая; **Леонтьева А. М.** К вопросу об исторических взглядах Н. В. Никольского // Историч. сб. Чебоксары, 1966; **Димитриев В. Д.** Н. В. Никольский. Очерк жизни и деятельности // Вопросы историографии историко-этнографического изучения Чувашии. Чебоксары, 1981.

истории и этнографии при Казан. ун-те (1905) и Рус. геогр. о-ва (1916). В 1917 Н. выступил инициатором создания О-ва мелких народностей Поволжья и избран его председателем. В сов. период доцент, затем профессор Казан. ун-та (1922), преподаватель, зав. каф. истории и этнографии народов Поволжья ряда уч. заведений Казани. С 1931 работал науч. сотр. нац. НИИ Чувашск., Татарск., Мордов. и Мар. АССР. Видный исследователь этнографии, истории культуры, языка, образования народов Поволжья, в особенности чуваший. Специалист по проблемам светского и христианского просвещ. Последователь пед. идей Н. И. Ильинского и И. Я. Яковleva. Н. уделил значит. внимание изучению мордов. этноса: истории христианизации мордвы, ее этнографии и религиозных взглядов, вопросов просвещ. и образования мордвы, угро-финских языковых связей, мордов. переводов XIX в. и др. В 1931—40 собрал и передал в НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР документы по истории мордов. народа, вошедшие в «Документы и материалы по истории МАССР».

зань, 1912; Христианство среди чуваший Поволжья // Изв. САИЭ. Казань, 1912. Т. 28, вып. 1—3; Религиозно-нравственное состояние инородцев Поволжья // Инородческое обозрение. Кн. 1. Казань, 1912; Конспект по истории народностей Поволжья. Казань, 1919; Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. Казань, 1920; Основы инородческого просвещения. Казань, 1919; Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 1.

Е. Г. ОСОВСКИЙ

* * *

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КОМИССИЯ ПРАВОСЛАВНОГО МИССИОНЕРСКОГО ОБЩЕСТВА ПРИ БРАТСТВЕ СВЯТИТЕЛЯ ГУРИЯ, учреждена Св. Синодом в 1876 для перевода на языки нерусских народов Поволжья, Приуралья и Сибири учебных пособий для миссионер. школ, книг богослужеб., церковного, вероучит. и нравоучит. содерж. Председателями П. К. были Н. И. Ильминский и М. А. Машанов. Главная цель — христианское просвещение нерусских народов и противодействие мусульманскому влиянию на них. В основу переводческой деятельности положены идеи создания нац. алфавитов на базе рус. графики и использования дополн. знаков и букв, опора на разг. язык, учет нац. психологии. Велись переводы на 20 языков, издано св. 800 названий книг общим тиражом более 1,5 млн экз. (1910). Ежегодно публиковались отчеты. Переводы на морд. яз. с 1879, т. к. в Указе Св. Синода разрешались издания на всех наречиях, кроме наречия морд. племени. Эта работа в основном выполнялась А. Ф. Юртовым и М. Е. Евсеевым. Они изучали религ. состояние мордовы, их говоры. Количество морд. изданий было незначительным. К 1910 издано 27 книг. В

1879—80 осуществл. первые переводы на мокша-морд. яз. — А. И. Тюменева «Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие от Матфея» и А. Ф. Юртова «Священная история Ветхого и Нового завета». С 1891 начал переводить на мокша-морд. яз. М. Е. Евсеевъевъ. Основное место занимали богослужеб. и вероучит. издания, выпущены первые учебные книги: «Букварь для мордовы-эрзи с присоединением молитв и рус. азбуки» (Юртов, 1884), «Букварь для мордовы-эрзии» (Евсеевъевъ, 1892, 1897), «Букварь для мордовы-мокши» (Евсеевъевъ, 1892, 1897), «Первоначальный учебник рус. яз. для мордовы-эрзи» (Евсеевъевъ, 1892, 1897), «Первоначальный учебник рус. яз. для мордовы-мокши» (Евсеевъевъ, 1892, 1897), из светской лит. наиболее интересны «Образцы морд. нар. словесности» (Юртов, 1882, 1883; Евсеевъевъ, 1896, 1897), «Крещение Руси при св. князе Владимире» (Евсеевъевъ, 1888, 1891), «Рассказ о болезни и смерти государя Императора Александра III и о вступлении на престол Императора Николая II» (Евсеевъевъ). Деятельность П. К. имела большое значение для становления морд. алфавита, письменности и языкоzn., нац. школы и учеб. лит.

Лит.: Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при братстве св. Гурия в г. Казани. Казань, 1892—1916; Машанов А. Обзор деятельности братства св. Гурия за 25 лет существования его. 1867—1892. Казань, 1892; Ильминский Н. И. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Казань, 1883; Никольский А. Переводче-

ская комиссия Православного миссионерского общества при братстве св. Гурия в Казани. М., 1901; Никольский Н. В. Переводческая комиссия в Казани и ее просветительская деятельность среди инородцев. Казань, 1905; Его же. Каталог изданий Православного миссионерского общества. Казань, 1905; Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. М., 1976.

Е. Г. ОСОВСКИЙ, В. П. КИРЖАЕВА

* * *

ТЮМЕНЕВ Александр Иванович (1817 — ?), рус. педагог, филолог, переводчик. В 1830—36 обучался богословию, филологии, истории, философии в Тамбов. дух. семинарии. Изучал мордов. (мокша) яз. под рук. П. П. Орнетова. После годич. службы в Липецком дух. уездном уч-ще учился в Моск. дух. академии (1838 — 42), а затем служил в Киевской дух. семинарии учителем словесности и богословия (1842 — 46). С 1846 ректор тамбовских дух. уч-щ. В 1848 — 57 профессор Тамбов. дух. семинарии по курсу словес-

ности, пом. инспектора. Вел класс мордов. яз., кот. читался в теч. 3 лет по два часа в неделю. Разработал методику преподавания мордов. яз. в семинарии. В 1857 представил в Св. Синод перевод на мокша-морд. яз. Евангелие от Матфея, изданное лишь в 1879 после длит. переписки церковных и светских властей Переводч. комиссией миссионерского о-ва при братстве св. Гурия. С 1857 служил в других дух. уч. завед., в т. ч. в С.-Петербурге. В 1883 получил чин стат. советника.

Соч.: Евангелие от Матфея. На мокшанское наречие мордовского языка

переведено А. И. Тюменевым. Казань, 1879.

Лит.: Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских пись-

менно-литературных языков. М., 1976.

Е. Г. ОСОВСКИЙ

* * *

БУТУРЛИН Иван Иванович — госуд. деятель XVII в., стольник, воевода. В 1613 — участник собора по избранию на царствование М. Романова, в 1618 — воевода в Москве у Арбатских ворот для защиты от нападений поляков, в 1626 — воевода прибывшего полка, в Миценске, в 1630 — 1631 — воевода в

Мосальске. В 1636 строил и охранял Темниковскую засеку. В 1638 — 1639 — при дворе, в 1640 — 1641 — воевода в Великих Луках, в 1644 — воевода в Одоеве, в 1652 — воевода в Торопце, в 1654 — 1655 участвовал в походах царя в звании жилицкого головы.

Лит.: Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1; Бутурлин И. И. // Рус-

ский биографический словарь. СПб., 1908.

В. А. ЮРЧЕНКОВ

* * *

*

ВОЛКОНСКИЙ Иван Федорович — госуд. деятель первой пол. XVII в., князь. В 1607 упомянут как нач. артиллерии при осаде Тулы. В 1617 под началом кн. И. Хованского участвовал в боях с

татарами, воевода в Угличе, Лебедяни. В 1619 — 1620 — воевода в Темникове, в 1620 — 1622 — в Тобольске. В 1624 служил обезжим головой по Китай-городу в Москве. В 1625 — 27 —

воевода в Переяславле-Рязанском. В 1633 был первым воеводой у Никитских ворот при набеге крымцев, в

1638 — второй распорядитель при строительстве Земляного города в Москве.

Лит.: Петров П. Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1; Гавенвникель К. Б. Книги разрядные в официальных их списках, как материал для истории Сибири XVII века. // Изв.

ова археологии, истории и этнографии при Императорском Казан. ун-те. Казань, 1892. Т. 10, вып. 5; Документы и материалы по истории Мордовской АССР Саранск, 1950. Т. 1, ч. 2.

В. А. ЮРЧЕНКОВ

* * *

ЛАЗАРЕВ-СТАНИЩЕВ Тимофей Юмшанович — госуд. деятель конца XVI — начала XVII в. В 1589 разбирал споры дворян и детей боярских в Старице, в 1592 — в Муроме и отводил их в Новгород к кн. Мстиславскому. В 1593 — 1594 — полковой воевода в Темникове, в 1595 — в Шацке, в 1597 — 1599 — воевода в Тобольске, в 1601 — в Дедилове. В 1602 во время голода послан

Б. Годуновым в Псков и уезд с хлебом и деньгами, в 1603 — обезэжий голова в Москве; в 1603 — 1605 — воевода в Архангельске. В 1609 в боях с восставшими крестьянами под Нижним Новгородом был ранен и попал в плен. В 1610 — полковой воевода в Арзамасе, в 1612 — в Юрьеве Польском. В 1613 послан боярами и Земским собором в Бежецкий Верх.

Лит.: Акты исторические. СПб., 1841. Т. 2; Румянцев В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворян-

ских фамилий. СПб., 1886. Т. 1; Лазарев-Станищев Т. Ю. // Русский биографический словарь. СПб., 1914.

В. А. ЮРЧЕНКОВ

* * *

ФИЛОСОФОВ Федор Иванович — госуд. деятель первой пол. XVII в. Участник обороны Москвы в годы польско-

шведской интервенции. В 1631 — осадный воевода в Туле, позднее — в Луках Великих, в 1654 — в Темникове.

Лит.: Петров П. Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1; До-

кументы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1950. Т. 1, ч. 2.

; В. А. ЮРЧЕНКОВ

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

«РОДНОЙ ЯЗЫК — МОЯ РОДИНА»

САРАНСК — ХЕЛЬСИНКИ — ЭСПОО — САРАНСК

Проблемы сохранения родных языков волнуют сегодня многие народы. Языковая ассимиляция ставит под угрозу существование языков и финно-угорских народностей Советского Союза: мордвы, марийцев, коми, удмуртов и др. Эти языковые общности, как и многие другие, имеют тенденцию к сокращению. Так, с 1959 г. число лиц, объявивших один из мордовских языков в качестве родного, снизилось с чуть более миллиона до 773 тыс. Коми-языковая общность сократилась с 256 до 243 тыс., удмуртская — с 657 до 520 тыс. Приведенные цифры не могут не вызвать тревожных размышлений о будущем языков, а следовательно, и самих народов.

Но есть основание для оптимизма. Это тот интерес к малочисленным народам и их языкам, который проявляется в последнее время как у нас в стране, так и в международном масштабе; на культурных форумах Общеевропейского союзования по безопасности и сотрудничеству. Примером такого интереса является конференция на тему «Родной язык — моя Родина», проходившая в Финляндии в городе Эспоо близ Хельсинки с 10 по 15 августа. Конференция была организована Обществом М. А. Кастрена, основанном в январе 1990 г. в Хельсинки. Оно ставит своей целью налаживание и укрепление взаимоотношений между финнами и восточноевропейскими и сибирскими народами, говорящими на уральских языках, ознакомление населения Финляндии с культурой этих народов, а также оказание поддержки развитию их культур и сохранению их родных языков.

Это вторая подобная конференция. Первая проходила два года назад в Йошкар-Оле, а следующую планируют

провести в 1994 г. в Будапеште. На столь солидном форуме, куда съехались писатели, ученые, журналисты, издатели из Англии, Венгрии, Германии, Норвегии, СССР, США, Швеции, Финляндии, Мордовию представляли министр народного образования МССР М. И. Учеваткин, главные редакторы журналов «Мокша» и «Сятко» Г. И. Пиятев и А. М. Доронин, народный писатель Мордовии К. Г. Абрамов, директор национального театра А. И. Пудин, президент общества «Масторава» Д. Т. Надыкин, прозаик В. И. Мишанина, директор Мордовского книжного издательства Ю. Ф. Юшкян, заведующий бюро пропаганды литературы Союза писателей МССР Г. С. Гребенцов. Из университета для участия в конференции был приглашен автор этих строк. В целом из Советского Союза в работе конференции приняли участие около 80 человек. О представительности конференции говорят имена таких ее участников, как профессора из Англии Майкл Бранч, Венгрии — Петер Домокош, Германии — Ингрид Шельбах-Конра, Финляндии — Сеппо Лаллукка, эстонский писатель Яан Кросс, финская писательница Леэна Лаулайен, поэт Ювани Шесталов и др. Покровителем конференции была супруга президента Финляндии Теллерво Койтисто, а финансировало ее министерство образования Финляндии.

Если говорить об обсуждаемых проблемах, то достаточно назвать темы основных докладов: Майкл Бранч — «Общая история уральских языков», Яан Кросс — «Национальное самосознание и интеграция», Сеппо Лаллукка — «Современное положение родного языка и его будущее: взгляд со стороны» и др.

Достаточно высокую активность проявила мордовская делегация. На конференции выступили Д. Т. Надыкин, Г. И. Пинясов, Ю. Ф. Юшкин. Работа также продолжалась и вне рамок конференции. Члены мордовской делегации вели интенсивные переговоры с финскими коллегами об издании произведений финских писателей в Мордовии и мордовских поэтов и прозаиков в Финляндии, о взаимных гастролях артистов, о приобретении полиграфической техники и т. д. Автору этих строк удалось добиться приема у директора канцелярии министерства образования Финляндии (он же заместитель министра) господина Яакко Нууминена и взять у него интервью (фрагменты этой беседы публикуются ниже). Интересные контакты завязались у нас с учеными из Мюнхена, Будапешта, Хельсинки, Турку.

Наиценней была культурная программа конференции. Мы посетили Общество финской литературы, музей под открытым небом «Сеурасаари»,

что означает «Старинная финская деревня», Общество М. А. Кастрена, Хельсинкский университет, где были приятно удивлены наличием большого количества литературы на мокшанском и эрзянском языках. Побывали на приеме в Венгерском посольстве, где присутствовала супруга президента Финляндии Теллерво Койвисто, в объединенном журнальном издательстве и др. Все встречи проходили в дружеской неофициальной обстановке.

Хочется сказать большое спасибо председателю Общества М. А. Кастрена Ленне Лаулайнен, секретарю общества — милой энергичной женщине Пауле Кокконен, которые взяли на себя обязанности по организации конференции. Подобные события дают основание надеяться, что самобытная культура угро-финских народов имеет будущее.

Ю. А. МИШАНИН, зам. главного редактора журнала «Вестник Мордовского университета»

ЯАККО НУММИНЕН: «МЫ ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО...» [БЕСЕДА С ДИРЕКТОРОМ КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ ФИНЛЯНДИИ]

— Господин Нууминен, Вы являетесь одним из руководителей министерства образования Финляндии. Расскажите, пожалуйста, о его структуре.

— В нашем министерстве два министра: один занимается вопросами культуры, другой — образования. Я являюсь заместителем министра и начальником канцелярии министерства. Работаю здесь с 1963 г.

Отдел высшего образования министерства курирует университеты и высшие школы; вопросы подготовки журналистов ведают два отдела — школьный и высшего образования. Журналистов готовят в университетах

городов Тампере, Хельсинки и Ювяскюля. Есть также группа интернов, где осуществляется подготовка сотрудников массовой коммуникации, и четвертый специальный курс, который называется «Новак». Это совместное предприятие многих университетов.

— Нас интересует, в каких учебных заведениях ведется у Вас подготовка учителей.

— Прежде существовала двухступенчатая система: преподавателей средних школ готовили в специальных семинариях, а для гимназий — в университетах. Начиная с 70-х годов все преподаватели проходят подготовку в

университетах. Для учителей 1 — 9-х классов в этом году при университетах основаны институты, которые работают в тесном сотрудничестве с педагогическими факультетами университетов. Преподаватели гимназий, как и прежде, учатся на различных факультетах университетов. Будущих педагогов для профессиональных училищ готовят в основном политехнические институты.

— Следовательно, все учителя имеют высшее образование?

— Да, кроме старых преподавателей.

— Господин Нууминен, на каком уровне материальной обеспеченности находятся Ваши учителя: среднем, ниже или выше среднего?

— В данном случае все зависит от специальности: у преподавателей политехнических, коммерческих институтов она несколько выше, чем у гуманистов. В целом заработка плата преподавателя в Финляндии выше, чем у других категорий служащих.

— Какой процент от государственного бюджета выделяется на образование?

— Довольно большой. Это во многом зависит от того, что у нас низкие социальные расходы. Министерство просвещения имеет пятую часть бюджета (17 — 18 %). Большая доля средств идет на образование. Но это еще не все, так как мы получаем финансирование и от муниципалитетов.

— Сколько студентов приходится на тысячу жителей страны?

— Для учащихся от 6 до 16 лет у нас существует обязательное среднее образование. После окончания средней школы 95 % учащихся продолжают учебу в гимназиях и профессиональных училищах, после окончания которых 30 % поступают в университеты и другие высшие учебные заведения. Здесь у нас существует небольшая проблема. Дело в том, что в вузах очень мало 30-и даже 40-летних студентов. Это объясняется тем, что они одновременно работают. Нам, конечно, хотелось бы, чтобы их обучение

проходило более интенсивно.

— Преподавание ведется только на финском языке?

— У нас два государственных языка: финский и шведский. Это значит, что преподавание ведется на этих двух языках. Все законы и положения издаются и по-фински, и по-шведски, все государственные служащие должны владеть как тем, так и другим языком. У нас существуют специальные школы, где преподавание ведется на каком-то из иностранных языков: русском, английском, немецком, французском. Недавно вышло постановление, где говорится о том, что в любой школе можно организовать преподавание какой-либо специальности на иностранном языке (в основном английском).

— Сейчас в Мордовии ставится вопрос о том, чтобы ввести в средних школах изучение финского языка, наравне с английским и немецким. Но в нашем университете не готовят преподавателей финского языка. Не видите ли Вы здесь возможности для сотрудничества?

— Мы к этому относимся положительно. На сегодняшний день наши преподаватели читают лекции в 60 университетах разных стран. В Советском Союзе они работают в университетах Москвы, Ленинграда, Петрозаводска, Тарту, Таллина, скоро будут и в Риге. Часть зарплаты этим преподавателям платим мы, часть — тот вуз, который их пригласил.

— Наметилось сотрудничество между Мордовским университетом и университетами в городах Турку, Хельсинки. В Саранске побывала группа ученых во главе с профессором Алехо Алхонием, а свою очередь наши преподаватели мордовских языков выступали с лекциями в Хельсинки и Турку. Этого, конечно, недостаточно. Необходимо расширять такие контакты.

— Да, мы приветствуем это.

— Большое спасибо за беседу. Приглашаем Вас посетить Мордовию, где можно было бы продолжить обсуждение поднятых вопросов.

К сожалению, время, отведенное на беседу, пролетело быстро (господин Нууминен спешил на заседание коллегии министерства). Встречу помогли организовать доктор Ингрид Шель-

бах-Копра, Сиррка Саарипен, Марьё Сало, переводчик Перти Пийспанен и другие финские друзья, которым выражают искреннюю признательность.

Ю. МИЩАНИЕ

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВОЛГО-ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

СЕППО ЛАЛЛУККА, доктор общественных наук
(Хельсинки)

Традиционно считается, что родной язык конкретного человека — это язык того народа, к которому данный человек принадлежит по крови. В настоящее время, в особенности в многонациональных странах, встречается все больше людей, которые затрудняются ответить на вопрос, какой язык является для него родным. Особенно это касается тех национальных меньшинств, которые были подвергнуты процессам языковой ассимиляции. Ответ на данный вопрос во многом зависит от того, что занимается под родным языком: язык, на котором человек впервые заговорил, или которым он лучше всего владеет, каким чаще всего пользуется, или тот, с которым он себя отождествляет. Это значит, что в зависимости от используемого в каждом случае определения один и тот же человек на вопрос о родном языке может ответить по-разному.

Мы исходим из того, что родной язык тесно связан с происхождением и идентитетом человеческого индивида, т. е. с его внутренним отождествлением. В качестве рабочего определения в данном случае может служить то, что родным является тот самый первый язык, которым человек овла-

дел и с которым он себя отождествляет. Считаем существенным подчеркнуть, что замена родного языка другим невозможна без возникновения впоследствии предых влияний.

Рассмотрим проблемы родного языка на примере волго-пермской группы уральской языковой семьи, в которую входят коми, коми-пермяцкий, марийский, мордовский и удмуртский языки. Прежде всего сделаем небольшой обзор их современного положения с учетом роли русского языка, без чего невозможно раскрыть рассматриваемый вопрос. Проанализируем проблемы, связанные с так называемым национально-русским двуязычием, с точки зрения сохранения родных языков.

Согласно данным 1989 г., общая численность волго-пермской группы составляет около 3 млн чел. Самые многочисленные среди этих народов — мордва — почти 1,2 млн чел., а наиболее малочисленный — коми-пермяцкий народ — 150 тыс. чел. Каждый из пяти народов группы имеет в рамках Российской Федерации свое административно-территориальное образование — республику или область. Каждый из упомянутых выше народов, за исключением коми-пермяков, пред-

ставляет на своей территории национальное меньшинство. Это результат сильной территориальной раздробленности волго-пермских народов.

По переписи населения 1989 г., у 2,2 млн чел. волго-пермской группы народов родной язык совпал с их национальностью. Следовательно, доля людей, сохранивших свой этнический язык, составила 71 %. По отдельным национальностям этот показатель варьировал от 61 (у мордвы) до 81 % (у марийцев). Однако доля сохранивших родной язык имеет устойчивую тенденцию к уменьшению. Так, с переписи 1959 г. число лиц, объявивших один из мордовских языков родным, снизилось с чуть более миллиона до 773 тыс., коми-языковая общность сократилась с 256 до 243 тыс., коми-пермяцкая — с 126 до 107 тыс., удмуртская — с 557 до 520 тыс. Исключение составляют только марийцы, языковая общность которых выросла с 480 до 542 тыс. Все это свидетельствует о том, что языковая ассимиляция шла очень интенсивно.

Заметим, что русский язык приобрел доминирующую роль среди волго-пермских народов, живущих в городах. Обрусению способствует то обстоятельство, что в городах доля этих народов даже меньше, чем в целом в той или иной республике. Отсутствие национальной городской культуры создает предпосылки для ускоренной ассимиляции.

Согласно данным социологических исследований, у подавляющего большинства представителей волго-пермских народов, живущих в городах, рабочим языком является русский. В домашних условиях они пользуются им наравне с родным языком. Даже в несмешанных семьях русский язык занял прочные позиции в бытовой коммуникации. В результате создаются предпосылки того, что молодое поколение, не освоив глубокие родной язык, начинает негативно относиться к нему, перенеся точку зрения большинства. Как выражался Франц Фанон, у них развивается ходонизированное со-

знание. Они постепенно отходят от своей оригинальной группы, меняют свой идентитет, объект своего этнического тождества.

Если язык меньшинства не имеет официального статуса или если его статус посит только формальный и церемониальный характер, тогда его представителям для полноценного общения с окружающим миром необходимо выучить кроме родного языка по крайней мере еще один язык. Большинство же, которое держит в своих руках власть, не испытывает потребности учиться языку национального меньшинства (только немногие считают нужным сделать это), следствием чего является так называемое одностороннее двуязычие. В этой ситуации билингвизм меньшинства ведет к резкому упадку коммуникативного веса его языка.

В Советском Союзе, как и во многих других странах, широко пропагандировались преимущества двуязычия, и нельзя не согласиться с тем, что оно действительно им обладает. Следует учитывать тот факт, что в многонациональном государстве двуязычие практически необходимо.

Исходя из высказанного можно констатировать, что русские, или, точнее, русскоязычные, приобретают преимущество «по рождению», в том смысле, что у них нет нужды изучать еще один язык помимо родного, тогда как у всех остальных потребность в этом есть. На первый взгляд это обстоятельство, возможно, не столь заметно, но тем не менее оно может стать источником определенной напряженности.

Значительной проблемой является и то, что одностороннее двуязычиеineизбежно приводит к снижению социального престижа языков национальных меньшинств, в результате чего очень немногие представители местного неродоязычного населения желают изучать и использовать язык коренной национальности. Низкий престиж языка отражается также на системе образования. Закрытие многих национальных

школ способствовало тому, что языки коренной национальности оказались в положении пасынков.

Когда язык не может обслуживать все население, сфера его функций сокращается: он вытесняется из тех сфер, которые представляют власть, коммуникацию, профессиональную культуру и т. д. Юридически национальный язык может иметь такой же статус, как и язык большинства, но о фактической разноценностности языков здесь и речи быть не может.

В сложившейся ситуации стремление к двустороннему двуязычию заслуживает всяческой поддержки. С моральной точки зрения даже незначительный прогресс в реализации этой задачи может иметь большое значение. Но правд ли реалистически обосновано ожидание, чтобы русскоязычное население стало в широком масштабе изучать язык коренной национальности.

При изучении языковых общин в Северной Америке Джосуа Фишман заметил, что сохранить стабильность национально-английского двуязычия удалось тем группам, которые смогли сохранить хотя бы одну коммуникативную сферу (например религию) для своего собственного языка. Те группы, которые не смогли этого сделать, как правило, утратили свой язык, причем стремительно: при жизни третьего поколения. Таким образом, способность держать языки функционально отдельно друг от друга — это один из основных факторов, которые могут стабилизировать двуязычие.

Ответственность за сохранение языка нельзя возлагать исключительно на школу. Никакая школа не сможет передать язык детям так, как это сделают в семье.

Очевидно, что законы о языке не достичнут своих целей, не имея поддержки гражданского общества. С другой стороны, те же цели могут быть достигнуты без особого законодательства, если существует благоприятный социальный климат.

Существенным фактором, затрудняющим сохранение и функционирование языков национальных меньшинств, может быть существование различных диалектов.

Немаловажным фактором укрепления позиций коренных языков является наличие наряду с серьезной высококультурной культурой, адресованной довольно узкому кругу потребителей, литературы, доступной широким слоям населения.

В последнее время на культурных форумах Общеевропейского совета по безопасности и сотрудничеству заметно усиление интереса к малым народам и их языкам. Вырисовывается общая концепция, согласно которой на этом участке обновляющейся Европе следовало бы опираться на признание многообразия культур и на защиту самобытности меньшинств. Надеемся, что этот благородный принцип претворится в жизнь. Фонд развития культур финно-угорских народов принял мудрое решение, решив посвятить большую долю своей работы детям, в руках которых будущее языков.

«КОГДА РАЗРУШЕНЫ ОСНОВАНИЯ, ЧТО СДЕЛАЕТ ПРАВЕДНИК!»

**[выступление на писательской конференции
уральских народов «РОДНОЙ ЯЗЫК — МОЯ РОДИНА».
финляндия. ЭСПОО. 1991 г.]**

Д. Т. НАДЬКИН, президент общества «Масторава»

Кризис охватил все аспекты нашего бытия. Кажется, не осталось ни одной сферы, о которой можно было бы сказать: здесь относительное благополучие. Спасение — в культуре. Мы — не просто люди, представители эпохи, но каждый из нас — носитель определенной культуры с тысячелетними корнями и хранитель общечеловеческого идеала. У каждого народа этот идеал выражается особым и, возможно, неожиданным образом. Мы едины, но не одинаковы, и эту неодинаковость нужно не только учитывать, но и уважать, причем на всех уровнях: межличностном, межнациональном, межгосударственном. И к этому можно прийти только через культуру, познавая и возвышая друг друга. Наше историческое беспамятство, нигилизм по отношению к себе ли, к своей же нации, или к инородцам — все от бескультурия.

Откуда же оно, это бескультурие? Не врожденное же или привнесенное извне? Сами обрели, когда «разрушили до основания», раскрестьянивали, ликвидировали «кеперспективные» деревни, интернационализировали культуру, лишая ее истоков, разрушая корни народные.

Духовное состояние мордовского народа характеризуется нарастанием процессов ассимиляции зрячих и мокшан, языковой и культурной деградацией, историческим беспамятством и нигилизмом большей интенсивности, чем аналогичные процессы у других крупных этносов России. С 1939 по 1989 г. численность мордвы сократилась более чем на 300 тыс. человек. Население Мордовии за те же годы уменьшилось на 221 тыс. человек. Отток населения не прекращается и тес-

перь, причем пределы республики покидают преимущественно мокшане и зрячие. Интенсивность процессов ассимиляции и национальной деградации подтверждается неуклонным увеличением числа лиц мордовской национальности, считающих родным языком русский (соответственно по СССР и МССР): 1959 г. — 21,7 и 2,7 %; 1970 — 22,1 и 3,7; 1979 — 27,4 и 5,7 %. Удручающее впечатление производят результаты социологических исследований, анкетирований. В 1991 г. НИИ социологии МГУ им. Н. П. Огарева проведено анкетирование. Вот некоторые извлечения по селу Коровино Бугурусланского района: среди любых произведений художественной литературы не названо ни одной книги мордовского автора. Не известно ни одного национального композитора. При этом 43,5 % опрошенных работают в коллективах, состоящих только из лиц мордовской национальности, 40,6 % — в коллективах с преобладанием лиц мордовской национальности, 13,0 % — в коллективах, где около половины членов — лица мордовской национальности.

Среди причин негативных явлений, характеризующих современное состояние мордовской нации и ее культуры, есть общие и особенные. Первые сравнимы со стихийным бедствием: раскрепощение, урбанизация, репрессирование национальных катаров, свертывание и, по существу, ликвидация национальной школы, дискредитация национального с позиций всевластия тоталитарной системы и т. д. Эти были для мордовской культуры оказались вдвое губительными в силу некоторых специфических причин, а именно:

длительности мордовского населения, внутреннего двуязычия, отсутствия горьской культуры, религиозной службы на национальных языках и др.

Изучение причин этнокультурной деградации, которая угрожает сегодня самому миллионному народу исчезновением, должно показать те меры, которые необходимо предпринять для спасения уникальной культуры. Мы, кажется, стали понимать, что все виды льготы во всем и что настало пора собирать камни не для избиения непечатных, а для восстановления своих храмов. Мордва дисперсна, следовательно, необходимо отыскивать устойчивые механизмы традиционно-культурной автономии с финансовым обесценением этих механизмов. В настоящее время в комиссиях Верховного Совета МССР разрабатывается несколько важных документов, в частности «Закон о языках МССР» и «Программа развития мордовской нации». Общество национального возрождения «Мастораз» принимает в этом участие. Мы надеемся, что документы будут основываться и строить свою этносоциальную роль.

Мордовская республика должна стать родиной для всей мордвы, ее национально-экономической инициативы, где бы она ни проживала. Это центр, разработчик, координатор национально-культурных программ, здесь глянцем образом осуществляется подготовка и постподготовка кадров национально-культурного профиля, издание художественной и учебно-методической литературы.

Несмотря на то, что основания разрушены, у народа не исчес еще интерес к своей культуре и истории: практически 100 % опрошенных сотрудники НИИ регионаологии считают необходиимым увеличение информации об историческом прошлом своего народа; от 41 (Коренное Бугурусланского района) до 87 % (Шемонаевской Самарской области) респондентов желают, чтобы дети обучались в школе с национальной ориентацией. Думается, Мордовская республика тоже должна стве-

чать за осуществление чайной иолжданий своей диаспоры.

«Масторава» готовят съезд мордовского народа, который, видимо, состоится в январе 1992 г. Республика и мордовская диаспора — одна из главных проблем съезда. Нам необходимо юридически обосновать представительство почти миллиононой мордовской диаспоры в высших органах власти Мордовии, защиту ее интересов на уровне России и Содза. Диisperсность мордвы усугубляют административно-территориальные границы. Так, в пределах Нижегородской, Ульяновской, Пензенской областей и Чувашской республики есть территории, заселенные мордвой, непосредственно граничащие с Мордовией, а одни из массивов Заволжской мордвы оказался подделанным между Самарской, Оренбургской, Ульяновской областями и Татарстаном.

У нас фактически нет национальной школы. Школы, которые кое-где ведутся (родной язык на уровне разговорной речи, факультативы по коренской литературе и культуре на русском языке, также родной язык и литература как особые дисциплины в течение всего периода обучения), не спасут, ибо это еще не позитивная школа, а самодраматическая школа, и результат в конечном счете будет все тот же — исчезновение народа, потеря утраченной культуры.

Представляется весьма плодотворной концепция национальной школы, опубликованная в журнале «Народное образование» (1991, № 3). Необходимо также развивать двуязычное (национально-русское) образование, так как в ряде случаев национальную доминанту можно восстановить лишь с помощью языка, через чужой язык. Двуязычное образование было бы весьма полезно для русскоязычной Мордовии для многоязычных, желающих постичь особенности национальной культуры.

Необходимо использовать создавать городскую национальную культуру. В столице Мордовии проживает около

70 тыс. эрзян и мокшан. Нужны национальные дошкольные учреждения (группы), школы (классы), театры, культурный центр. В Саранске целесообразно создать национально-культурный центр. Этот вопрос в настоящее время прорабатывается на различных уровнях. Есть предложение об организации центра типа «радуги» с отделениями русской, эрзянской, мокшанской и татарской культуры. Мы отдаём предпочтение мордовскому национальному культурному центру с филиалами в регионах и в Москве.

Расширение сферы функционирования эрзянского и мокшанского языков — насущная задача. Особое значение при этом мы придаем религиозной службе на национальных языках. Надо сказать, что это дело неизрстое, так как русская православная церковь без энтузиазма встречает нашу инициативу и, что не менее важно, мало соответствующей литературы переведено на эрзянский и мокшанский языки.

Сейчас многие села так же интернационализированы (в худшем значении этого слова), как и города. В этих условиях сохранить эрзянское или мокшанское село, тем более возродить его (не вообще, а именно как эрзянское или мокшанское), презычайно трудно. Идет приватизация, в селах скапливаются дома, участки земли. Национальность покупателя при этом не имеет никакого значения. Но исчезает национальное село, естественная ниша для национальной культуры. Мы обратились в Верховный Совет МССР со своей претензией, но не упереться, что будет найден выход из тупика.

В условиях двуязычия, когда сфера функционирования национального языка сужена до предела, когда русскоязычной информации отдано почти все телевидение и радио-время и практически вся газетная площадь, в условиях непрестижности родных языков как системы чувствуют себя незаживо. Причем до последнего времени национально-русские языковые отношения рассматривались обычно в двух аспектах: 1) роль национального языка в усво-

нии русского; 2) обогащение национального языка русским.

Как бы ни оценивалась прикладная роль родного языка, при отрицании самонесущести его в качестве доминанты оригинальной культуры и доминанты формирующейся личности родной язык обречен на прозябанье и смерть. В «обогащении» также таится «дар дакайцев». Занимствований, идущих из русского языка или через его посредство, так много, что подавляются собственные словообразовательные ресурсы, это нарушает внутреннюю мотивацию слов и в конечном счете цельность, особость национального мировосприятия. Вытесняются слова со своим «ароматом» (например, вместо эрз. лейделька от пейдемс «смеяться» — ромашка), целые гнезда слов (ушмо «войско», ушман «войн, солдат», ушмодей «военачальник», теперь — войско, солдат, полковник и др.), целые категории (числительные, желательное наклонение).

Работа по очищению мордовских языков в настоящее время ведется. Подготовлен новый эрзянский орфографический словарь, наметились определенные пуританские тенденции в художественной литературе и периодической печати, ко мы встречаем сопротивление, причем сильное.

В контексте активизации внутренних ресурсов национальных языков, думается, были бы весьма полезны прямые переводы всего значительного, что создано на различных языках человеческим гением. Мы сейчас почти не переводим с других языков художественные тексты. Переводится лишь периодика, фрагменты художественных произведений. И единственным окном в мир является русский язык в его «советском» варианте. Адекватный перевод высоких художественных текстов не только мобилизовал бы ресурсы эрзянского и мокшанского языков, но и придал бы им новое значение, новый эстетический и эстетический вес. Переводы, особенно с родственных языков, помогут учесть их опыт языкового строительства.

Нам нужно интенсифицировать прямые финно-угорские языковые контакты, для чего в республиках следует открыть финно-угорские гимназии, лицеи, факультеты, наладить обмен студентами, преподавателями, регулярные стажировки.

Свое внутреннее двуязычие мордва преодолевает пока в основном на слоях. В школах и вузах есть программы и учебники по мордовской литературе, но рядовой читатель (школьник в том числе) имеет дело с эрзянской или мокшанской литературой. Переводы фрагментарны, близкородственный язык в кашах учебных заведениях не изучается ни в качестве дисциплины (хотя бы факультативной), ни в кружках. Финском для материального обеспечения национально-культурных программ, в особенности с охватом почти миллиона диаспоры, у Мордовии мало, нужно участие России и Союза.

Таковы кепростые проблемы мордовы. Главная особенность момента состоит в том, что речь идет о выживании народа. Определющими факторами выживания мордовского народа, по нашему мнению, являются:

— сохранение (возрождение) мордовского (эрзянского и мокшанского) села;

— превращение Мордовии в национальную экологическую нишу мордовы, Саранска — в центр национально-культурной автономии эрзян и мокшан;

— приданье эрзянскому и мокшанскому языкам статуса государственных в МССР и официальных в местах компактного проживания мордовы за пределами республики;

— внедрение образований на эрзянском и мокшанском языках;

— создание национальной церкви с богослужением на мордовских языках;

— развитие национальной городской культуры (радио, телевидение, кино, центры национальной культуры, библиотеки, облик города и др.), увеличение тиражей и расширение спектра национальных изданий;

расширение языковых и культурных контактов, сотрудничества с финно-угорскими и другими народами, поднятие уровня международных отношений в МССР и во всем Союзе на основе уважения прав человека и его национального достоинства.

ЭКСЕТЕРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

О. М. КИУШКИНА, кандидат филологических наук

В 1990 г. в течение четырех месяцев я проходила стажировку в лингвистическом центре Эксетерского университета (Англия). Впечатления от этой поездки настолько сильны, что я решила поделиться ими с читателями «Вестника Мордовского университета».

Программа стажировки включала в себя лекции и семинары по английскому языку, экскурсии по стране. Слушателям был прочитан цикл лекций

по вопросам современного английского языка и литературы, о современной жизни в Англии. Перед стажерами выступали с лекциями член парламента, член суда и другие интересные люди, которых руководители центра приглашали специально для русских преподавателей и студентов. Мы посещали семинарские занятия по переводу, методике преподавания английского языка в высшей школе, специальные занятия «слушание — говорение»,

«чтение — говорение», направленные на развитие навыков понимания и говорения, а также компьютерные классы, в которых нас обучали работе на компьютерах типа IBM и OPUS, используемых преподавателями и студентами центра в повседневной работе.

Техническое оснащение университета великолепно. В лингвистическом центре несколько компьютерных классов, открытых для всех студентов, аспирантов и преподавателей. Здесь можно работать в продолжение всех суток в любой день недели, включая воскресенье. У каждого студента, аспиранта, преподавателя имеются руководства и минидиски с их услугам квалифицированный персонал. Компьютеры снабжены печатным устройством, которое немедленно выдаст распечатанные материалы. Во время стажировок в этих классах мы выполняли очень много письменных заданий. Кроме того, только в лингвистическом центре работают несколько множественных аппаратов, где каждый может сделать за определенную плату копию кужевого для занятия материала. К услугам преподавателей множественный аппарат, который они могут использовать в любое время по своему усмотрению и уже без оплаты.

Интерес вызвали также библиотеки университета, в частности система обслуживания посетителей. Здесь открыт свободный доступ во все книгохранилища, где находятся очень удобные места для работы, залы для конференций и т. д. Литературу, таким образом, заказывать не надо, можно просто пройти в книгохранилище и взять все, что нужно для работы. Каждому посетителю вручается план всех этажей библиотеки, чтобы он мог безошибочно найти нужную ему секцию. Каждая секция имеет маникаталог, по которому можно быстро найти номер нужной книги. Кстати, вынести книгу из библиотеки невозможно, так как у выхода установлено сигнальное устройство. Библиотекари могут выдать книгу на дом (любую, кроме словарей), но если английский студент не

вернет ее в положенный срок, то ему придется платить за каждый день задержки, поэтому отношение к книгам самое серьезное. Вырвать из книги лист или разорвать ее на шпаргалки английскому студенту просто не приходит в голову, так как с любой страной тут же можно сделать коню. Впрочем, невозможно себе представить английского студента со шпаргалками, поскольку это считается постыдным.

Хочется охарактеризовать систему оценки знаний студентов после каждого курса. Студент сдает целую серию экзаменов по тем предметам, которые выбрал сам. После каждого экзамена оценка не сообщается. Студенту необходимо набрать определенное количество баллов, если же это ему не удается, то он автоматически остается на второй год и изучает те же предметы; через год — повторные экзамены, и так до тех пор, пока не будет набрана определенная сумма баллов. Споров по уровню оценки между преподавателями и студентами не возникает, так как на устном экзамене (например, по иностранному языку), как и на письменном, преподавателюдается письменная версия ответа. Кроме того, экзамен обычно принимают два преподавателя. Если экзамен письменный, то его может принимать один преподаватель, но проверяют работу они обязательно вдвоем. Это делается не потому, что преподаватели не доверяют друг другу, а с целью исключения конфликтов со студентами. Эта система очень хорошо работает в нашем университете на вступительных экзаменах, что же касается Эксстерского университета, то впечатление было такое, что студенты сдают вступительные экзамены перед каждым курсом. Хочется отметить, что это очень хорошо организует студентов, заставляет их много работать.

Если студент не приходит на занятия, то это означает, что либо он договорился с преподавателем об индивидуальных консультациях, либо занятия ему просто не нужны, они его не интересуют. Все остальные причины ис-

зклочены, так как если студент будет платить дожа вместо занятий, то ему уготована участь ложизненного второгодника. Непосещение занятий — это серьезный сигнал для преподавателя, который сразу же начинает выяснять причины этого. Мне хочется предложить у себя на кафедре ввести в практику систему опроса студентов с целью выяснения, хотят ли они, чтобы преподаватель, который вел у них английский язык на первом или втором курсе, остался и на следующем. Таким образом, преподавателю, от услуг которого студенты решительно отказались, придется выяснить причины этого, критически анализировать свои занятия. В Эксетерском университете наряду с другими языковыми факультетами существует факультет русского языка. Для каждого его студента начиная со второго курса обязательны стажировки в СССР (минимум — две, каждая продолжительностью несколько месяцев). Преподавателей же командируют в страну изучаемого языка так часто, как того требует необходимость. Ведь свободное владение языками достигается именно во время таких языковых стажировок. Я пыталась поговорить об обмене студентами между Мордовским университетом и Эксетерским, но, к сожалению, год назад уже была достигнута подобная договоренность с Ярославским университетом. Конечно, хотелось бы установить контакты с каким-либо вузом Англии и организовать обмен студентами и преподавателями. Очень большую пользу могут принести приглашения преподавателей из Великобритании: английские педагоги работают в качестве консультантов уже во многих вузах страны.

Я с большим интересом познакомилась с тем, как занимаются студенты, изучающие английский язык как иностранный. Все занятия только по практике и теории языка. Достаточное внимание уделяется каждому аспекту — слушанию, говорению, чтению, письму, научным проблемам; есть лекции о текущих событиях в Англии, занятия в

видеоклассе. О последних хочется сказать особо. Преподаватели проводят съемки некоторых занятий, а затем эти фильмы подробно анализируются. Во время таких занятий студентамдается определенная тема и предлагается свободно высказывать свои мысли по этой теме, но только не на родном, а на английском языке. Студенты посещают такие занятия с большим интересом. По понедельникам — час тьютора (преподавателя, который руководит работой прикрепленных к нему студентов). Отношения между тьюторами и студентами самые дружеские. Идея тьюторства очень привлекательна, но при одном условии — если студент действительно хочет учиться. Но, конечно, тьютор должен вести иностранный язык (хотя бы один из его аспектов) в своей группе, чтобы был постоянный контакт со студентами. Тогда тьюторство принесет максимум пользы.

Особый интерес вызвали занятия «слушание — говорение» и «чтение — говорение». Последние очень полезны для студентов, так как на занятиях даются записи живой разговорной речи или отрывки из современных произведений и газет. Каждое занятие требует от преподавателя большой подготовки, поскольку необходимо составить соответствующие разработки.

На занятиях по методике преподавания английского языка в высшей школе покраинились конкретность, отсутствие общих фраз. Нас познакомили с методикой составления конкретных упражнений, направленных на успешное усвоение самых различных тем, на развитие устной речи; я думаю, подобная методика заинтересует преподавателей иностранных языков. Сравнивая учебники, методические материалы, которые были представлены в наше распоряжение, с учебником, по которому мы занимались со студентами I курса, я не могла не заметить, что система упражнений, лексика несколько устарела. Кроме того, нужно пополнить нашу фонотеку занятиями живой разговорной английской речи,

слушание которой так необходимо студентам. С этой целью я записала лекции по практической фонетике, которые читал один из английских преподавателей, разговорную речь, записи которой давали нам прослушивать на занятиях «слушание — говорение».

И еще одно наблюдение. Если преподаватель ведет научную работу, ему никакают учебную нагрузку, так как он много времени тратит на конференции, написание статей, книг. Преподаватель с полным объемом занятий (14 часов в неделю) издает только методическую литературу.

В период стажировки программа

многочисленных экскурсий и встреч была организована так, чтобы познакомить стажеров со страной изучаемого языка, с ее культурой, людьми: мы были гостями советско-английского общества, провели несколько дней в английской семье, посетили многие города Англии.

Отношение к нам со стороны преподавателей и студентов было самое доброжелательное. Поездка в Англию оказалась очень эффективной формой повышения квалификации. Хотелось бы, чтобы каждый преподаватель имел возможность выезжать в страну изучаемого языка.

ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

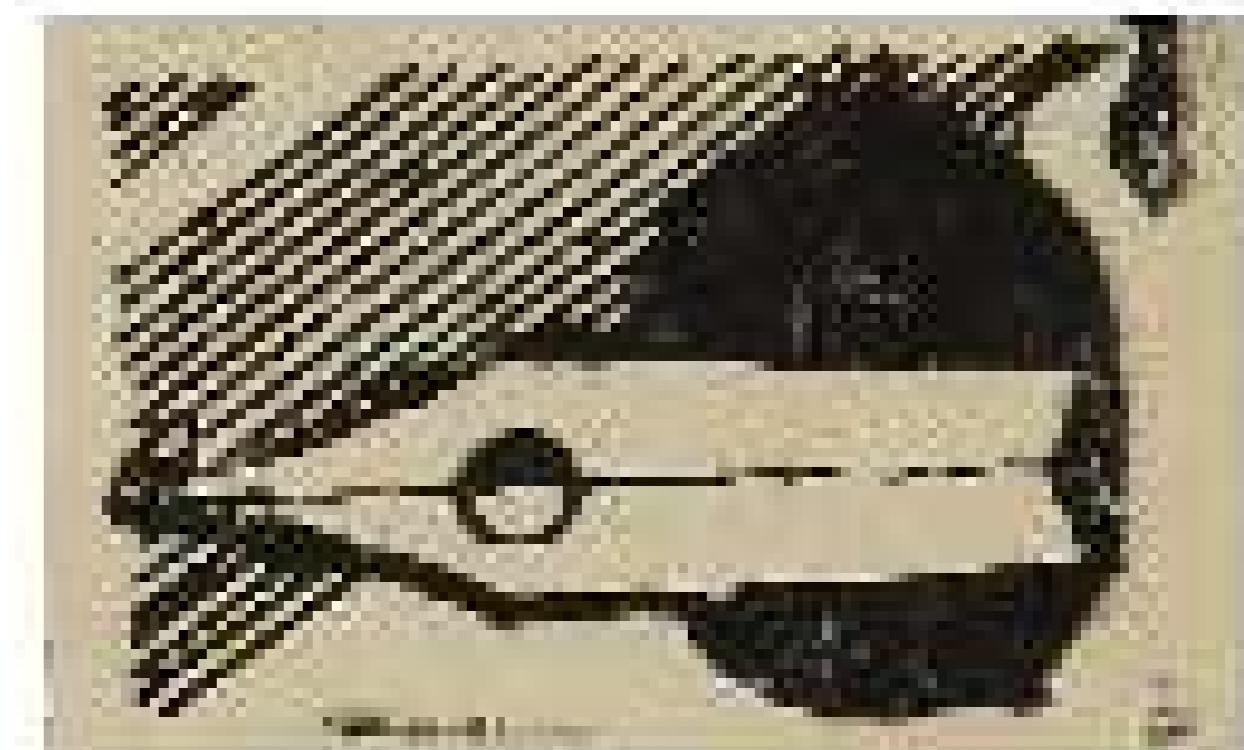
ЗАЛОЖИВШИЙ ОСНОВЫ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ [К 60-летию МГПИ]

В октябре 1991 г. исполнилось 60 лет первому вузу Мордовии. В 1931 г. в Саранске открылся агропединститут — высшее учебное заведение педагогического направления. Институт имел четыре отделения: историко-экономическое, физико-техническое, агро-химико-биологическое, политехническое. Образованы четыре кафедры: педагого-педагогическая; социально-экономическая (история, диалектический материализм и экономика); физики, математики, технологии металлов и дерева; мордовская. Контингент студентов всех отделений составлял 116 человек. На подготовительных курсах обучалось 68 слушателей и на вечернем отделении — 42 человека. Первыми преподавателями в вузе стали И. Я. Бондяков, А. А. Полова, А. Е. Брусов, Я. Я. Паркинен, И. Г. Черапкин, Я. П. Тригэшин, М. Д. Смирнов и другие.

Возглавил коллектив института Иосиф Григорьевич Абросимов.

Вначале агропединститут ориентировался на подготовку учителей для средних школ с сельскохозяйственным уклоном. Однако в 1932 г. он перепрофилирован в педагогический вуз, готовящий учителей для национальной политехнической школы. Тогда же он стал называться Мордовским государственным педагогическим институтом. В штат преподавателей вошли новые люди: В. Я. Пчелкин, В. И. Иванов, Г. А. Ласс, П. В. Ромадин, А. А. Вайс, Д. И. Васильев, П. С. Батаев, А. П. Инкин, М. А. Шмидт, Н. Ф. Цыганов. В должность директора института вступили К. С. Чужко. Заместителем директора по учебной работе назначен М. Д. Смирнов.

В библиотеке насчитывалось 16 тысяч книг на сумму 14 238 рублей.

Институт располагался на улице Волгодарского (бывшая Троицкая) в трехэтажном кирпичном здании бывшего «Саранского реального училища». Но оно оказалось слабо приспособленным к учебному процессу, поэтому в 1932 г. начато строительство нового учебного корпуса на углу улиц Большевистской (бывшая Сословенская) и Рабочего переулка (прежнее название 2-я Троицкая, а с 1953 г. носит имя Богдана Хмельницкого).

В последующее время продолжалась реорганизация института. В 1933 г. имелось семь отделений: историческое, экономическое, литературы и языка, физическое, математическое, химическое, биологическое. Утверждены кафедры: биологии, физики, химии, математики, литературы и языка, истории, политэкономии и теории советского хозяйства, педагогики-педологии и психологии, немецкого языка. Студентов числилось 478 человек. Мордовский педагогический институт соревновался с Чувашским институтом и включился во Всесоюзное социалистическое соревнование. Введено изучение военного дела. Открыт двухгодичный учительский институт, в который на первый курс принято 34 студента. Общее количество литературы в библиотеке достигло 35 813 томов.

В 1934 — 1935 гг. вместо прежних отделений созданы четыре факультета. Впервые обязанности деканов по приказу директора стали выполнять: В. А. Андрофагин — литературного факультета, М. Д. Смирнов — исторического, А. Ф. Филиппов — естественного, П. Д. Еремин — физико-математического. Профессор А. Г. Рябов возглавил кафедру мордовских языков.

С 1935 г. поэтапно вводился в строй новый четырехэтажный учебный корпус. Значительно увеличилось число кабинетов, лабораторий. Открыт клуб студентов. Ежемесячно выпускалась многотиражная газета «Мокшэрзянь педвузовец». Студенты жили в трех общежитиях. В подсобном хозяйстве выращивались скот, корма для него и другие культуры. Пединститут впервые выпустил из своих стен 73 специалиста

(мордвы — 38, русских — 35).

За пятилетний срок существования МГПИ стал одним из крупных культурных центров Мордовии. В нем работал сплоченный педагогический коллектив, созданы новые лаборатории, кабинеты, комплектовалась научная библиотека. Например, если в 1931 г. преподавателей было всего 18, то в 1936 трудилось уже 45 человек. В числе 435 студентов из мордвы училось 145 человек. В 1936 г. занималось 500 студентов-заочников. Тогда же дневное отделение окончили 99 и двухгодичный институт — 20 человек. Существенно поднялся уровень грамотности, повысилось качество учебы. В эти годы коллектив института возглавляли А. Ф. Антонов, П. Д. Еремин, Д. И. Шоя.

Но в жизни института не все шло гладко, были упущения в работе. Например, в 1935/36 учебном году из 500 заочников всех курсов и факультетов за академическую неуспеваемость исключено 103 человека. 90 студентов из-за невыполнения плановых контрольных работ не допущены к экзаменационной сессии. Не хватало мест в студенческих общежитиях, квартир для преподавателей. От студентов постоянно поступали жалобы на плохое питание в столовой, трудно было приобрести одежду и обувь. Часть студентов бросили учебу из-за различных болезней.

Но тем не менее вуз рос количественно, укреплялась его материальная база, накапливался научный потенциал. В 1937 г. число студентов увеличилось до 676 (в том числе 134 было в учительском институте), в 1938 г. уже числилось 600 человек. В 1937 г. количество преподавателей возросло до 133, в том числе 27 мордовской национальности. Появились профессора, доценты. Первыми среди профессоров были И. Я. Бондяков, А. П. Рябов. В коллективе работали преподаватели Е. С. Лисицына, М. Н. Шатунов, М. Н. Коледенков, И. П. Кривошеев, И. Д. Воронин, А. В. Осацков, Б. В. Маков и другие.

10 февраля 1938 г. на основании по-

становления ЦИК Мордовской АССР Мордовскому государственному педагогическому институту присвоено имя русского поэта А. И. Полежаева.

В 1940 г. организованы новые кафедры: алгебры, геометрии и теории чисел, математического анализа, всеобщей истории, географии, химии, иностранных языков. Студентами заселено четырехэтажное общежитие на 300 мест на улице Демократической (бывшая 1-я Богословская) рядом с учебным корпусом. Работал студенческий клуб, спортивный клуб общества «Учитель». Полностью вошло в строй здание учебного корпуса, в результате чего значительно улучшились условия работы и учебы. Занятия велись в больших, светлых аудиториях, кабинетах и лабораториях. В отдельных комнатах разместились читальные залы, библиотека, деканаты и кафедры.

Читали лекции, вели семинарские и лабораторные занятия высококвалифицированные преподаватели. Многие защитили кандидатские диссертации. Кафедрой педагогики заведовал доцент А. В. Осоксов, кафедрой истории СССР — доцент М. Г. Сафаргалиев, кафедрой зоологии — А. П. Калашникова. Подготовили диссертации Л. Ф. Самохин, В. Ю. Бурьян. Упорно занимались научными разработками по своим темам П. В. Ромадин, А. М. Бихтер, А. Я. Коковин, И. Д. Воронин. В числе преподавателей пединститута были и его бывшие выпускники: математик Н. И. Васильев, физик Е. С. Велина, ботаники В. И. Евдокимова и Я. М. Попов, зоолог О. А. Васина, языковед Б. В. Маков, методист-математик М. И. Кузовенков и другие. Как сообщал в официальном документе руководству республики директор института Н. Ф. Волков, в 1940/41 учебном году институт был полностью укомплектован кадрами.

В этот труднейший период истории страны люди добrotно делали свое дело. Мордовский госпединститут готовил учителей для общеобразовательной полной и неполной средней школы. За десять предвоенных лет

МГПИ выпустил 597 учителей с дневного отделения и 408 — с заочного. Выпускникам вручались дипломы учителя математики, языка и литературы, истории, физики, биологии и химии. Кроме того, институт готовил их к общественной работе с широким спектром ориентации. Бывшие студенты института становились учителями, завучами, директорами школ, руководителями и инспекторами отделов народного образования в районах Мордовии, преподавателями педагогических училищ. В Наркомате (Министерстве) просвещения тоже работали выпускники МГПИ. Его министры Н. Н. Молин, М. В. Дорожкин с отличием окончили историческое отделение Мордовского пединститута.

В конце августа 1941 г. в связи с военной обстановкой институт перевели из Саранска в Тамников. Там он находился в течение трех лет, а в 1944 г. к началу учебного года вернулся в Саранск. В годы войны многие студенты и преподаватели ушли на фронт, часть их погибла в боях с врагом. Остались живы и вернулись на работу в институт А. Я. Коковин, В. А. Тихов, Н. И. Васильев, Г. И. Васильев, А. В. Нарядкин, И. Ф. Егоров, Б. В. Маков и другие.

Всего Мордовский государственный педагогический институт просуществовал 26 лет. Большую ли он принес пользу? Статистика свидетельствует, что с 1928 по 1959 г. в три с лишним раза увеличилось количество учителей, работавших в школах городов и сел Мордовии. Ими были в основном выпускники МГПИ. С 1931 по 1959 г. в высшей школе Мордовии подготовлено свыше 8 тыс. специалистов, преимущественно учителей.

В 1956/57 учебном году МГПИ имел четыре факультета: историко-филологический, физико-математический, естествознания, иностранных языков, 17 кафедр, десятки кабинетов, лабораторий и различные службы.

2 октября 1957 г. на базе Мордовского государственного педагогического института открыт университет, с чего начался второй этап развития

высшего образования в Мордовии. Дальнейшее развитие школьного образования и просвещения способствовало тому, что в 1962 г. в республике открылся второй вуз — Мордовский государственный педагогический институт, названный впоследствии именем М. Е. Евсевьева. Следовательно,

дело МГПИ имени А. И. Полежаева, заложившего фундамент вузовского образования в Мордовии, продолжается ныне двумя вузами: МГУ имени Н. П. Огарева и МГПИ имени М. Е. Евсевьева.

В. Н. КУКЛИН, кандидат исторических наук

НОВЫЕ АНГЛИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ М. М. БАХТИНА

Bakhtin and cultural theory / Ed. by K. Hirschkop and D. Shepherd. — Manchester: Manchester univ. press, 1989. — 224 p.; Discontinues discourses in Modern Russian literature / Ed. by C. Kelly; M. Makin, D. Shepherd. — L.: Macmillan, 1989 — XIV, 178 p.

Имя М. М. Бахтина хорошо известно на Британских островах. Английская славистика и в прежние десятилетия уделяла немало внимания идеям русского мыслителя. Но не будет преувеличением утверждение, что подлинный «бахтинский Ренессанс» наступил здесь лишь в 80-е годы. Свидетельством серьезного интереса к наследию ученого специалистов в области языкоznания, литературоведения, театра, культурологии и выступают обе рецензируемые книги.

Несмотря на то, что изданная в Манчестерском университете коллективная монография называется «Бахтин и теория культуры», к культурологии она имеет лишь косвенное отношение. Ее авторы, испытавшие воздействие не только идей М. М. Бахтина, но и английской социологической поэтики, пытаются применить положения последней в собственной исследовательской практике. В целом книга свидетельствует, что социологическая поэтика, закладывавшаяся еще в 20-е годы и получившая развитие в ряде работ М. М. Бахтина, остается эффективным средством достижения «словесного творчества». В то же время практика большинства

авторов явственно демонстрирует всю опасность увлечения упрощенным, вульгаризированным социологизаторством, что сводит на нет возможность получения положительных результатов при использовании социологического метода в гуманитарных науках. Если исследователь не предвидит этой опасности, его неизбежно ждет соблазн «рокового теоретизма», вне зависимости от того, предстает ли он в образе модных еще вчера структуралистских штудий или политизированной «левой» интерпретации языка и самой жизни.

«Идея общественного языка и цели демократического общества давно уже связаны друг с другом», — так начинает свою статью «Бахтин и теория культуры» К. Хиршкоп, твердо полагающий, что «социализация», идеологизация и политизация бахтинского «разноречия» и теории «речевых жанров» ведут к решению проблемы «Бахтин и демократия», которая более всего занимает исследователя. Разбор творчества раннего Бахтина (в том числе и «К философии поступка»), его известных трудов о «слове в романе» позволяет автору отстаивать понятие «социальной кон-

крайности» в анализе явлений языка и культуры, выработанное, по его мнению, в работах М. М. Бахтина, В. Н. Волошинова, П. Н. Медведева.

Этот подход определяет взгляды К. Хиршкопа на все творчество Бахтина, основные положения его этико-философской концепции («диалогизм», «многоголосие», «карнавализация» и др.). Специальное внимание автор уделяет книге Бахтина о Рабле, рассматриваемой им отнюдь не в терминах «социальной поэтики». Это, по его словам, единственное произведение «бахтинского круга», где описывается «на история в целом, но специфический тип истории: форма жизни, определенная процессом сельскохозяйственного труда» (с. 34). Демократия карнавала, описанная в книге, противостоит, как представляется К. Хиршкопу, «формальной демократии либерального государства» (с. 35).

Не меньшей политизированностью отмечена и статья Г. Печи «На границах Бахтина: диалогизация, деколонизация», автор которой детально рассматривает весь комплекс взглядов русского мыслителя, пытаясь проследить их эволюцию (от «металингвистики», которую Г. Печи предпочитает называть «транслингвистикой», до теории романа). Перечликаясь с К. Хиршкопом, он критикует «клиберальные прочтения» идей Бахтина и признает лишь «социологическую» их интерпретацию. Подтверждение своей позиции он усматривает в достаточно своеобразно толкуемых им бахтинской теории диалога, истории реалистического европейского романа и др. Как и для большинства авторов рецензируемой книги, для Г. Печи (вне зависимости от того, осознает ли он это) фигурой номер один остается Д. Лукач, возвретия которого, так или иначе оказавшие влияние на позицию автора, постоянно прорываются в тексте и порой подменяют бахтинские взгляды. Попытка представить Бахтина в качестве реформированного, модернизированного и улучшенного Лукача, характерная для англо-американского неомарксистского литературоведения 70-х — начала 80-х годов, про-

читывается и здесь. Чего стоит, к примеру, финал статьи, где «диалогизм» интерпретируется как некий рачевой эквивалент «классовой борьбы»!

Социологизированного и политизированного Бахтина использует в полемике с представителями иных гуманистических течений и Д. Шеферд в статье «Бахтин и читатель». Ему, правда, представляется, что «в действительности в противоречивом наследии Бахтина нет готовой теории чтения или читателя» (с. 91), но это не мешает исследору тем не выстраивать собственную концепцию взаимоотношений «автор — текст — читатель» с приходением цитат из Бахтина. Аналогичный подход — методологическое использование идей ученого, аранжированных и выстроенных в соответствии с целью своих исследований — демонстрируют статьи Т. Краули, Н. Глейзер, К. Уилс и Э. Джейферсон, рассматривающих самый широкий спектр проблем: от вопросов истории языка до специфических особенностей произведений Гертруды Стайн и проявления женской истории в художественных текстах писательниц.

Особого внимания заслуживает статья Т. Иглтона, одного из крупнейших английских литературоведов новой генерации, признанного лидера неомарксизма 70 — 80-х годов, автора романа «Святые и ученые», действующими лицами которого являются Л. Витгенштейн и Н. Бахтин, постоянно вспоминающий о брате. В работе «Бахтин, Шопенгаузер и Кундер» литературовед касается весьма широкого круга вопросов, рядом обозначенных в заголовке имен вовсе не исчерпывающиеся. Здесь и весьма любопытные размышления о влиянии на Бахтина Ницше, Шопенгаузера (в советской бахтинистике эта тема почти не затрагивалась), и анализ параллелей между бахтинскими открытиями в области «критического дискурса» и художественными новациями известного чешско-словакского писателя М. Кундеры.

Значительный интерес представляют завершающий книгу «Глоссарий», содержащий английские эквиваленты ос-

новных бахтинских терминов, написанный К. Хиршкопом «Библиографический очерк», включающий лаконичный анализ «снежной лавины» бахтиноведческих штудий на английском языке за два последних десятилетия и список из более чем 200 наименований.

В отличие от книги «Бахтин и террия культуры» сборник статей «Непрерывные дискурсы современной русской литературы» имеет свою предысторию. Его основу составили материалы конференции, проходившей в Оксфордском университете в июне 1984 г. Тексты выступлений были переработаны и дополнены, часть статей не имела отношения непосредственно к Бахтину, однако большинство работ посвящено осмыслинию идей русского ученого.

Не случайно уже в предисловии редакторы сборника пишут: «Наиболее заметным вкладом русской науки в недавнюю переоценку устоявшейся практики литературной критики несомненно являются работы М. М. Бахтина». Так, размышляя об особенностях освоения художественной действительности современной критикой, Д. Полан анализирует литературно-критические теории М. М. Бахтина, В. Беньямина и Ж. П. Сартра («Бахтин, Беньямин, Сартр: к типологии интеллектуального критика культуры»). При всей очевидной неподхожести внешних характеристик избранных для анализа мыслителей Д. Полан сумела найти объединяющие их моменты. При этом явное тяготение Бахтина и Сартра к исторической антропологии позволяет автору говорить о специфике появляющегося в их работах диалогизма, чего лишены размышления В. Беньямина. Пародирование и разрушение существующих традиций критики в равной степени присуще Бахтину, который отвоевывает у стандартизированного литературоведения Рабле, а Сартр — Флобера. Сегодняшняя популярность М. М. Бахтина, однако, вызывает у исследователя определенную тревогу: «В случае с Бахтиным большая часть его нынешнего успеха происходит, как мне кажется, из его прочтения в духе канона высокого искусства, что возможно лишь в случае его

восприятия в исключительно формалистических терминах как мыслителя исключительно эстетического типа. Бахтина здесь представляют как носителя идеологии «Высокого искусства», что не слишком отличает его от «новых критиков» (с. 14). По мнению автора, основная заслуга трех мыслителей заключается в универсальности их открытой, что позволяет пользоваться их идеями при анализе «массовой» культуры.

Проблема новых подходов в литературоведческом процессе рассматривается в статье К. Хиршкопа «Диалогизм как вызов литературоведению». По его словам, «диалогизм» утверждается как важнейшая черта нового литературоведческого мышления: «Диалогизм оказался в центре многих недавних литературоведческих дискуссий. Среди многих новых концепций, которые обязаны своим появлением в литературоведческой среде Бахтину, диалог, кажется, обречен быть одновременно и наиболее популярным и наиболее изменчивым и противоречивым» (с. 19).

Заметим, что дело здесь не только в том, что наследие М. М. Бахтина не содержит «канонического» определения диалога, что, правда, для самого ученого не имеет принципиального значения. Для К. Хиршкопа диалог, по Бахтину, — это концепция, соединяющая в первую очередь различные планы литературы и культуры. Вот эта многозначность, наиболее отчетливо реализованная в бахтинском понимании «слова», показывает тяготение Бахтина к диалогической стихии, является «подлинным вызовом» современному литературоведению.

Д. Шефферд использует открытия теории романа М. М. Бахтина в своей попытке прочтения «Гидроцентрали» М. Шагинян («Проблемы прочтения советского производственного романа»). Он правомерно подчеркивает жанровую условность этого романа, лишь по инерции воспринимающегося как произведение об индустриализации, подчеркивает присутствующую в нем «карнавальную стихию», его отчетливую ориентированность на «другое слово». «Тем не менее, — замечает

Д. Шеферд, — я признаю специфический политический контекст в признании временной необходимости прочтения «Гидроцентрали» как «производственного романа» в том смысле, что из него мы можем узнать о производстве литературных значений и смыслов, о порождении литературных канонов» (с. 57).

Разрушение традиционных канонов в полной мере присутствует в прозе Д. Хармса, полагает Э. Шукман — одна из самых серьезных английских исследователей научного наследия Бахтина в 80-е годы. («К поэтике абсурда: проза Даниила Хармса»). Полная алогизмов и абсурдистской эстетики проза писателя-экспериментатора отчетливо тяготеет к минималистскому направлению в литературе, когда незначительные детали повседневного бытия, неоднократно повторенные и спародированные, создают совершенно самобытный литературный стиль, при анализе которого Э. Шукман пользуется моделями коммуникации, предложенными Р. О. Якобсоном, М. М. Бахтиным, О. Г. и И. И. Ревзинами.

Наиболее интересной и неподожданной представляется статья К. Келли «Петрушка и писчеры: русский кукольный карнавальный театр после революции», автор которой убедительно демонстрирует возможность применения основных положений книги М. М. Бахтина

«Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» при изучении феноменов русской народной смеховой культуры. К. Келли представляется правомерным проведение типологического сравнения русских и западноевропейских празднеств с соответствующим выводом об их изначальной близости. Исследовательница показывает, что традиции русского фольклорного театра сохраняются в постановках агиттеатра 20-х годов, в которых присутствуют извечные темы еды и питья, образы гротескного тела, лингвистические парадоксы и рискованные языковые шутки и т. п. В смягченной форме эта традиция сохраняется и в литературе, которая обращается к образу Петрушки (К. Симанович-Ефимова, С. Маршак).

Несмотря на всю «разбросанность» тем и сюжетов рецензируемых изданий, их объединяет неотддельный интерес к идеям М. М. Бахтина, сознательное, хотя и не всегда последовательное стремление к их применению на практике, к освоению их в общем контексте нового гуманитарного сознания. Обе книги явили собой лишь первый опыт изучения научного наследия М. М. Бахтина в Великобритании, знаменующий дальнейшее развитие английского бахтиноведения.

О. Е. ОСОВСКИЙ, кандидат филологических наук

ВАСЕНЦЕТНЕНЬ ЭЗДА ФКЯСЬ

Мокшэрзянь кялень наукать ушедыенза

Мокшэрзянь кялень наукать ушедыенза эзда фкясь — Иосиф Григорьевич Черапкин, М. Е. Евсеевовна маластонь ученикоц, коня ётась наукань и эряфонь аф тёждя кига-янга и ламатись советский финно-угроведениятъ виияфтomanцы.

И. Г. Черапкин лац содаф учёныих-нечь ёткса, конат тонафнезь кяльхненъ. Соңы научней работанза кемоста сотфт грамматикань и диалектологиянъ, лексикань и орфографиянъ, родной кяльть тонафнемаса методикань кизәфкенъ мархта. Тяды башка, соң

фалу кирдезенъ мяльса и тонафнезенъ мордовский народть историянц и этнографиянц.

Иосиф Григорьевич Черапкин, мокшэрзянь содаф лингвистъ, шачсь 1884 кизонъ 2-це ноябрьста Пензенский губерниянь Инсарский уездонъ Исаля весеса (таки Мордовский ССР-ны Инсарский районъ), мокшень семьяса. 1896 кизоня сон аделязе начальнай школатъ, а 1906 кизоня макссы экзамен кафуга Классонъ школанъ учитель лемонкса и кармась работама эсъ шачома зелесонза. 1911 кизоня политический мяльхненъ-арысематненъ инксас сон паньфоль востостинъ и аффиля киза тайза савсь работамс Дальней Востоконъ школатненъ эса. Ся пингть Иосиф Григорьевич кирдезенъ экзаметненъ Владивостокса гимназиянь сембе курсенъ инксас, и кармась тонафнема Московский университетонъ историко-филологический факультетса, коса кулхционкунезенъ ся пингонъ содаф филоложненъ В. К. Поржезинский, Ф. Ф. Фортунатовонъ, Д. Н. Ушаковъ лекциясон, тонафнезенъ лия мастеронъ языковеттненъ трудсонъ общай языкоznаниять коряс, лац кармась содамост Г. Орнатовонъ, А. Алкви斯顿ъ, Ф. Видеманонъ, Х. Павссоненъ, А. А. Шахматовонъ и ламотненъ лиятнана научнай работасон. Пяк ламонъ колга въсёфтезе сай пингочь учёнайтъ, мокшень цёратъ, А. А. Шахматовонъ «Мордовский этнографический сборник» работатъ.

Московский университетас тонафчестонэ сон маладесь передовой профессорхненди и студэнтненди, конатнеть мяльсне-эъсемасна эста аф пяк шнакшневстъ. Савсь тумс тайза омба мастору, коста сон мрдась 1915 кизоня. Сонъ кармась содамонза жандармериясь. Курокста И. Г. Черапкин прважафоль солдатокс империалистический войнав.

Октябрьский революциянь васенце кизотненъ И. Г. Черапкин работась Инсарский уездса земельнай управлениянь председателькс, рабочай, крестьянскай и солдатской депутатонъ. Советонъ уездной исполнкомоъ продовольственной коллегиянь членкс.

1918 кизоня сон тусь Якстеръ Армияв, тюрсъ гражданский войненъ фронтова васенда рядовой красноармеецокс, сяльде батальононъ командирокс.

Гражданский войнаде мала 1927-це кизоти молемс Иосиф Григорьевич работась Пензенский педагогический техникумъ мордовский отделения преподавателькс, народнай образзенчиль Пензенский губерниянь отделъ видеса национальной меньшинственъ просвещениясон коряс советонъ председателькс, губернский отделъ видеса партийной школанъ преподавателькс, а сяда мала «Од зеле» газетанъ ответственный секретарькс.

1925-це кизоня Пензаса губерниянь музейсъ кочкись экспедиция мокшэрзятненъ кяльсон, эряфсон тонафти-манкса. Руководителькс путфоль И. Г. Черапкин. Экспедицияса кочкафоль козя фольклорнай, диалектологическая, исторический и этнографический материал, конанъ коряс сяда меле сёрматфольхть. научнай работат и мокшень общеобразовательней школатненди учебникт. Тядя байка, экспедицияса улемась кемокстазе учёнайтъ мяленц сянькоряс, што мокшонъ литературный кялькс можно лемдемс краснослободско-тимниковский кяленъ кустсь (диалектесь).

1927-це кизоня И. Г. Черапкин тэртъфоль работама мокшень кялеи преподавателькс Саратовский государственный университетонъ мордовский кяленъ и культурнъ отделенияз. Тиса сон кармась содамонза А. А. Гераклитовъ гарфессоръ, конанъ «Алатырская мордва» и «Арзамасская мордва» работанэн тянемс пяк оцю научнай значениясна и интересна. А. А. Гераклитовонъ мярьгоманц коряс И. Г. Черапкин ушедсь мокшэрзятненъ этнографиесон тонафнема.

1929-це кизоня И. Г. Черапкин тэга кармась вятмонза историко-этнографический и фольклорнай экспедиция Мордовский округса, и тэга удалась кочкамс пяк козя материал.

1930-це кизонъ 10-це январьста Мордовский автономнай областъ тиевомда меле сон тэртъфоль учебнай частень

заведующайс (вятикс) и мокшень кялень преподавательс Саранский педагогический техникуму, тяка пингть работесть Мордовский АССР-нь ЦИК-ть видеса культурань. Мордовский научно-исследовательский институтс.

Иосиф Григорьевич Черапкин активней участия примесь Мордовский АССР-ть тиэмаса.

И. Г. Черапкин пяк оцю миль шарфнесь мокшень литературный кильть тиэманс лангс. М. Е. Евсевьевонь и И. Г. Черепкинонь предложенияснон коряс мокшень литературный кильти основавкс сявфоль краснослободско-темниковский диалектс. Учёнайхне нязэв, што тха сяда лама простой, сембенди содаф и шарьходеви вада, лексический, фонетический и грамматический формада, тя диалектса корхтайхть сембода ламоц мокшетна.

Литературный кяленди тя диалекттъ сяоманц эрязикшинц сон кемокстазе «Диалекты мордовы-мокши бывшей Пензенской губернии» и «Из морфологии мордовского языка» работанzon эса, конат печатлафтольхть 1930 кизоны Саратовский университетонь учёной защищатиенъ эса.

И. Г. Черапкин васенцесь тяряфнесь тивмс классификация мокшень диалектненди и явозе Пензенский ингольденъ губерниянь мокшень кильть колма диалектова: спасский (ингольденъ уездъ лемонц коряс), краснослободско-темниковский и инсарский. Сон няфтезень ня диалекттнетъ фонетический, морфологический и лексический особенностьсон и границисанон.

Эсь исследованжинзон эса Иосиф Григорьевич Черапкин тяфта же шарфнесь миль сянъ лангс, кода тиевствъ ня диалекттне. Эрязи азомс, што мокшень диалекттнень ня классификациясна койкона полафкнень мархта лувондови видекс тянемс. Оцю лезкс тя работать тиэмста тейнза мекссть М. Е. Евсевьев, Д. В. Бубрих и Е. Д. Поливанов.

Диалектонь классификаций, икань мексозе И. Г. Черапкин, сяда меле одукс ванозвь и петезъ А. П. Феоктистов «Мордовские языки и их диалекты» эсь работасонза и С. З. Деваев

«Диалекты мокша-мордовского языка в фонетическом аспекте» работасонза.

И. Г. Черапкин лувондови мокшень диалектонь содайкс, мокшень общеобразовательнай школатненди васенце учебниконь авторко, кялень 1-це, 2-це 3-це конференциянди организаторкс, кося вановдозвь мокшень и эрзянь литературный кильхенди нормань тиэмаса кизефксне.

Марса З. Ф. Форофеевонь, И. Х. Бодякшинонь мархта Иосиф Григорьевич оцю работа вятьс национальчай школатненди учебниконь, учебнай пособиянь и научно-популярной литературны кочкесмаса, нолдамаса.

Сембода цебярьста мокшень литературный кильть и орфографиять коряс И. Г. Черепкинонь мяненза няфтьфт «Грамматика мокша-мордовского языка, основы орфографии и литературный язык», «О практике преподавания мордовского языка в школах» работанzon эса.

Иосиф Григорьевич Черепкинонь грамматиканза --- нят мокшень общеобразовательнай школатненди васенце учебникне, конат сёрматфт литературный кильса и научнай кеме основаса. Сон ащесь сянъ инкса, штоба механическяиста лия кялень грамматический категориятне афольхть сувафнев мокшень кильти, фалу сяондсь примерят афкукс мокшень кильста. Тяфта ульс «Мокшень кялень грамматика, синтаксис» учебниконц мархта. Кильть закономерностенза азонтфт аф фхя кодамовок велень корхтамать коряс, а мокшень литературать и мокшекс корхтамать коряс. Тя васенце книгась мокшень кялень синтаксисъ колга лись Москуса 1934-це кизоня, «Морфология» сёрмадозе тяка жа авторсь 1933 кизоня.

Эрязи азомс сявок, што И. Г. Черапкин — мокшень васенце лексикографсь. 1933-це кизоня сон нолдась «Мокша-мордовско-русский словарь», кося печатлафоль стане жа грамматический нюорыхяня справочник. Словарьса ульс 8-шка тёжянь вал. Тяфта жа сон «Самоучитель мокша-мордовского языка для русских» интэрвснай

работаю, когдакондястсь
рүзөнъ журналистнёнди, обслужи-
ваниянъ сферанъ работникинёнди и стак-
тов.

И. Г. Чедрекинонъ лингвистический
наследияц аф сяшкава ни оцю, но сем-
бе работанzon аф ёмла значениясна-
тнянемс мордовский и финно-угорский
языкознаниять (кялень научать) виияфт-
томасонза.

Иосиф Григорьевич башка мядь
шарфнесъ национальной кадранъ анок-

лемати, ульсь сон лямбе седи-вайме-
ломанькс, педагогокс, наставникохс.
Сон касфтесь мокшэрзянъ лама учёнай,
конатненъ ёткост Ф. И. Петербургский,
А. И. Маскаев, П. С. Шишканов и лжят-
не.

Кулось Иосиф Григорьевич Чедрекин
1935-це кизонъ 18-че марта. Сембен-
эряфоц сонъ ульсь сотф эсь народонц-
культуранц касфтоманц и кемокста-
манц мархта.

С. И. ЛИПАТОВ, доцент

1 р. 25 к.
ИНДЕКС 73933

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Редколлегия журнала «Вестник Мордовского университета» сообщает читателям, что с нового 1992 года издание будет выходить по сериям как научный журнал. Запланирован выпуск следующих серий: «Гуманитарные науки», «Естественные науки», «Инженерные науки» и научно-публицистическая серия. Наиболее интересные публицистические выступления будут печататься в разделе «Публицистика», который планируется включать в каждый номер.

Таким образом, у многочисленной армии ученых, научных работников, преподавателей появится возможность публикации научных статей. Для этого необходимо представить в редакцию статью (2 экз.), рецензию (внешнюю), рекомендацию научно-методического совета факультета или института и оформить подписку на журнал, которая принимается в любом отделении связи республики. Индекс издания 73933, подписная цена 5 руб. на год.

ISSN 0869-2810
ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА